
11
396
сб. 1

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ Р.К.П. (БОВ)

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТА

ИЗ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО И КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ЯРОСЛАВЛЕ.

ИЗДАНИЕ ЯРОСЛАВСКОГО ГУБЕРНСКОГО КОМИТЕТА Р.К.П. (БОВ)
г. ЯРОСЛАВЛЬ.

ЛИТ. ПЕЩЕНКОВА ЯРОС.

Российская Коммунистическая Партия (Б-ков).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОМИССИЯ
по истории Октябрьской Революции и Р. К. П. (Б-ков)
Ярославское Бюро.

ИЗ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО И КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ в городе Ярославле.

СБОРНИК I.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Ярославского Губернского К-та Р. К. П. (Б-ков).
1922.

72 (Р. Ц.) г. Ярославль. Тираж 2000 экз. Зак.—1459

Тип. 1. ЯГСНХ Советская площадь, Здание присутственных мест.

От Ярославского Бюро Истпарта.

Настоящий сборник материалов по истории рабочего и коммунистического движения в Ярославле должен будет, по мнению Бюро Испарта, положить собой начало фиксированию, закреплению того из истории Ярославского движения, что сохранилось до настоящего времени. Ярославское рабочее движение настолько богато крупного масштаба событиями, выходящими по своему значению за пределы городского и губернского масштаба, что хотя бы только добросовестное закрепление их потребует дольше времени, чем затрачено Бюро Истпарта до сих пор и, конечно, больший размер, чем настоящий сборник. Взять хотя бы первую забастовку рабочих Ярославской Большой Мануфактуры 1895 г. так «доблестно» растрелянную «молодцами фанагорийцами» или работу Северного Рабочего Союза распространявшего свою деятельность на несколько губерний.

Поэтому Бюро Истпарта полагает не ограничиваться выпуском настоящего сборника. Хотелось бы в своей работе придерживаться определенной системы, но вряд ли нам это удастся. Уже и настоящий сборник далек от чего нибудь цельного. Тут не освещена какая либо определенная эпоха с достаточной полкостью, не представлен однотипный материал, а вместе с попыткой дать обзор событий революционного движения на основании документов и исторических материалов, печатаются и воспоминания участников движения и сухой документальный материал. Происходит это потому, что только сейчас представляется возможность собрать и записать проделанное рабочим классом и партией за многолетний период борьбы с капиталом. До октября 1917 г. нельзя этого было сделать, т. к. каждая запись могла помочь врагу (самодержавию и капитализму) в

его борьбе с рабочим классом, раскрыть перед ним карты, подставить под его удары руководителей движения. 1917—1921 г.г. не могли также стать благоприятным периодом для какой либо исторической работы—ожесточенная гражданская война требовала от нас не выпускать из рук заряженную винтовку, быть все время на стороже и ясно, что уже тут было не до собирания материалов или записывания воспоминаний. Эта, хотя и важная, работа откладывалась до более спокойного времени. Теперь это время наступило. Но материала так много, и в то же время так много возможностей полагать, что если сейчас им не воспользоваться, то его может и не быть под руками заставляет нас отступить от системы.

Несмотря на это Бюро Истпарта полагает, что в последующие два сборника удастся подобрать более систематизированный материал. Один из этих сборников предполагается посвятить истории рабочего движения на Ярославской Большой Мануфактуре, 200 лет со дня организации которой исполняется в настоящем году. Рабочее движение на этой фабрике наиболее характерно, т. к. оно прошло все стадии, начавшись чуть ли не с самого основания фабрики. Тут мы видим в начале слепую веру рабочих в то, что если раскрыть глаза «начальства» на тяжелое их положение, то оно придет им на помощь. «Начальство» постаралось разбить эту веру и рабочее движение вылилось в форму стихийных бунтов и только в 90-х годах прошлого столетия превратилось в организованную борьбу с капиталом под руководством социал-демократии.

Придавая большое значение воспоминаниям участников рабочего движения и в тоже время имея в виду, что каждый из них может в отдельных деталях движения впасть в ошибки (так много пережито за последние хотя бы 15—20 лет, что вполне возможны ошибки) мы большую часть настоящего сборника уделяем воспоминаниям в надежде, что товарищи, еще не писавшие воспоминаний, исправят эти ошибки.

ОЧЕРК
ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
в Ярославской губернии.
(1883—1905 г.г.)

Положение рабочих.

Ярославская губерния одна из губерний, в которой сравнительно рано возникла и быстро развилась фабрично-заводская промышленность. Самым крупным промышленным делом губернии является текстильное производство. Центр этого производства в г. Ярославле на Большой Мануфактуре — одном из известных старых промышленных предприятий России, основанном еще в начале XVIII в.

Построенная купцом Затрапезновым при Петре I, Большая Мануфактура имела лишь 172 станка с 180 рабочими. Быстро расширяясь к 1881 г. она уже насчитывает 167.000 веретен и до 10.000 рабочих, не смотря на то, что в 1845 году ее совершенно уничтожил пожар.

Сильно развитые в 40-х годах прошлого столетия льноткацкие промыслы, полное отсутствие льно-прядилен, установили, выражаясь купеческим жаргоном, „крепкие цены“ на льняную пряжу. Открывавшиеся, благодаря этому, богатые перспективы наживы естественно привлекали купцов. В 1860 году строится Норская льно-прядильная фабрика, перерабатывавшая вначале 8.716 веретенами ежегодно от 40.000 до 50.000 пудов пряжи. Несколько позже возникают другие значительные текстильные предприятия: фабрика Классен в Тутаеве, Кекина в Ростове, Локалова в Великом селе. Из года в год текстильное производство растет, фабрики расширяются с такой же изумительной быстротой, как и Ярославская Большая Мануфактура. Ярославская Большая Мануфактура бойко торгует через Петербург с Англией, приобретает собственные хлопковые плантации в Хиве и Бухаре. От нее не отстают и другие фабрики. Знаменитое Ярославское полотно всюду имеет сбыт. Столь быстрый рост фабрично-заводской промышленности обязан счастливому расположению водных путей сообщения и особенно построенной в конце 80-х годов желез-

ной дороге. В 90-х годах текстильному производству отдает свои силы третья часть рабочих губернии. На ряду с ростом текстильного производства столь же быстро развиваются и производства: химическое, кожевенное, табачное, деревообделочное, металлообрабатывающее, крахмальное, картофельно-терочное и другие. Приложения к всеподданнейшим отчетам губернатора следующим образом рисуют картину развития этих производств. В 1889 г. не было ни одного механического завода, тогда как в 1898 г. их 8 с 786 рабочими.

В 1880 г. имелось 31 предприятие с 1521 раб. химического производства, а в 1898 г. оно насчитывает 41 предприятие с 1868 раб. и т. п. в остальных производствах. Само собой разумеется, уходившие в фабрично-заводской отход крестьяне направлялись, главным образом, на фабрики текстильного производства. Из 5991 крестьян, уходивших в пределы губернии, 97% поглощаются текстильным производством.

В конце 90-х годов губерния имеет сильно развитую фабрично-заводскую промышленность в виде 4.257 предприятий и класса промышленных рабочих в 41.707 чел. с крупным промышленным центром в г. Ярославле, насчитывавшем 71.616 жителей. Положение рабочих было основой их революционного движения. Достаточно будет привести несколько илюстраций из жизни рабочих на фабриках, чтобы составить себе представление о всей безотрадности и тяжести их положения.

На фабрике Гандуриных—штрафуют за выброшенный машиной челнок. Если вылетевший челнок попадает кому нибудь в голову, то штрафуют и того, кому он попал (не подставляй головы). Владельцы фабрики купили по дешевой цене гнилой пряжи. Работать оказалось совершенно невозможно, т. к. основа постоянно рвалась. Поэтому были поставлены паровые увлажнители, благодаря которым, и без того отвратительные, условия труда сделались совершенно невыносимыми. От паров, наполняющих ткацкое отделение, развивается страшная сырость и нестерпимое зловоние. Как и на других фабриках, здесь вырабатывается, так называемый, черный товар. При обработке этого товара употребляются ядовитые кислоты, разрушающе действующие на здоровье рабочих и в особенности на хрупкий организм малолетних, работающих в сушильнях. Во время сушения, ядовитые пары кислот отравляют воздух. Дышать нет никакой возможности. Нечем. Через четверть часа появляются признаки отравления. Сильное головокружение, синеют губы, а затем мучительная рвота. Между тем малолетним приходится проводить в такой ядовитой атмосфере шесть часов. На некоторых фабриках, в качестве противоядия, дают молоко. Предприимчивые Гандурины заменяют его луком, целебные свойства которого не определены и находятся под большим сомнением. Медицинская помощь производится фельдшером, да и то только в определенные часы, так что при насчастных случаях, раненым (не редко тяжело) приходится ждать помощи по несколько часов.

Не менее безотрадная картина на фабрике Дербенева. Фабрикант упорно заменяет мужской труд трудом женщин и подростков, взваливая тяжелую и совершенно непосильную для них работу. Выгодность такой замены, приносящей Дербеневу колоссальную прибыль, самоочевидна. Вся администрация, от управляющего до табельщиков, пользуется своей властью для грязных целей и не дает прохода не только женщинам, но и подросткам, своими гнусными предложениями, пуская в ход угрозу увольнения с фабрики, в случае упрямства. Санитарные условия труда отвратительные. Все работающие на фабрике, смотря по роду работы, получают различные болезни (ревматизм, чахотку, болезнь глаз и т. п.) Месячный заработок от 8 до 12 руб., при 12-ти часовом рабочем дне.

На первых ступенях своего развития капиталистическое производство характеризуется практикой мелкого обмана и надувательства фабрикантами рабочих. Среди многообразия способов надувательства и обмана рабочих видное место занимает система расплаты товарами из лавок, принадлежащих фабрикантам. Так например на Ярославской Большой Мануфактуре заработок умышленно выдается раз в месяц, тогда как в фабричном лабазе рабочим любезно предлагают ежедневно контромарки на товар. Пользуясь полной зависимостью рабочих от фабриканта, последний в лабазе выдает самый недоброкачественный товар. Штрафы на Большой Мануфактуре иногда принимают чудовищные размеры. Нередки были случаи, когда рабочий оказывался в один день оштрафован на 1 рубль, так что при выдаче заработка, он не только ничего не получал, но был в долгу у фабриканта. Нет надобности говорить о том, что администрация Мануфактуры придирчивой браковкой товара понижала, и без того уже чувствительно урезываемый заработок. Казармы Мануфактуры, в которых живут рабочие, поражают невероятной скученностью. В маленькую каморку администрация Мануфактуры набивает по 18—25 человек. На детях рабочих это ужасающее положение отражается кошмарно. Даже у фабрикантов не хватило наглости этого скрывать. Из докладов администрации Мануфактуры на Нижегородской выставке явствует, что ежегодно из 100 родившихся детей рабочих умирает 65 детей. 12-ти часовой рабочий день и ничтожный, 15-ти рублевый, заработок в месяц (при чем самый высший и то в единичных случаях наиболее искусным рабочим), может дополнить тяжелую картину положения рабочих на Ярославской Большой Мануфактуре.

Фабриканты совершенно не обращали внимание на ограждение опасных механизмов. По отчету фабричного инспектора губернии число несчастных случаев с рабочими, и в особенности с подростками, в год никогда не было ниже 266 случаев, приносивших смерть или тяжелые увечья.

Если рабочий останавливал машину для чистки, то подвергался непременному штрафу, а если попадал под машину, то в лучшем случае его выбрасывали за ненадобностью на улицу, а в худшем он погибал, теряя жизнь.

Рабочие бунты и стачки.

Как же могли рабочие мириться со своим отчаянным положением, мало отличающимся от положения рабочего скота?

И понуждаемые безисходной нуждой, рабочие, как только могут и умеют, поднимаются на борьбу с фабрикантами, стремясь улучшить свое положение. Их ничто не останавливает и несмущает на тернистом пути борьбы с эксплуататорами.

Ни жестокость кар правительства, держащего руку фабрикантов, ни неумолимо-жестокие последствия своих выступлений.

Стихийно возникавшие в них стремления, стихийно и проявлялись в форме, так наз., бунтов.

В 1885 г. поднимаются рабочие Ярославской Большой Мануфактуры. В отчаянии, затемнившем их рассудок, острое недовольство и глубокое чувство протеста своим положением, выливается в разгром фабричного имущества. Бунт жестоко подавляется полицией и войсками, любезно предоставленными в распоряжение фабричной администрации. Еще не успели стереться в памяти рабочих Большой Мануфактуры жуткие сцены расправы с бунтовщиками, как в 1890 г., на этой же фабрике, снова вспышка недовольства рабочих. Вышедшая на работу вторая смена к ней не приступила, а начала разбивать фабричный лабаз и квартиру директора фабрики. Но благоразумие взяло верх. Рабочие прекратили разгром, приступив к работе, так что на утро явившимся войскам уже нечего было делать. Эти выступления рабочих Большой Мануфактуры в 80-х годах мало отличаются от бунтов происходивших на ней в 1806, 1816, 1818 и 1823 годах, еще в те времена, когда она была поссесионной. Точно так же и в 80-е годы рабочие не могли сознательно формулировать и более или менее последовательно выполнять свои стремления. Это становится совершенно ясным, если принять во внимание: отсутствие всякаго организационного опыта у рабочих, их политическое безправие, значительное преобладание в их среде крестьянских элементов, насыщенных деревенским индивидуализмом, недопускающим какой бы то ни было сплоченности и выдержки и общий, весьма низкий, культурный уровень рабочей массы в целом.

Кроме того не следует упускать из виду, что нить, связывавшая рабочего с деревней была еще довольно крепка для значительного большинства рабочих. Работа на ф-ке была еще чем-то подсобным, а целью своей он считал восстановление, приходившего все более и более в упадок, своего хозяйства в деревне. Его идеалом было скопить денег, вернуться в родное село и зажить хозяином.

Горький опыт безплодности бунтов, как средства борьбы с фабрикантами за улучшение положения, был достаточно убедителен для рабочих. В 90-х годах их движение носит другой характер. Крупное агитационное значение не только для ярославских рабочих, но и для всего рабочего класса России, имела

забастовка на той же Большой Мануфактуре в 1895 г. Голодный заработок, непомерные штрафы, целая система безчеловечной эксплуатации, вызвали эту забастовку, не смотря на то, что старики, преобладавшие на фабрике, в общем были настроены довольно таки миролюбиво.

После целого ряда безрезультатных переговоров с местной властью, рабочие решили обратиться с мольбой о защите к Московскому ген.-губернатору великому князю Сергею. С этой целью они составили в самых верноподданнических формах прошение, которое послали с особой депутацией для вручения его великому князю. Депутация состояла исключительно из стариков и женщин. В эту, покорно настроенную, толпу, по приказу великого князя, 6 рота Фанагорийского полка дала, без всякого повода, несколько залпов, которыми убито свыше 10-ти человек (в том числе женщина с ребенком) и много ранено. Царь впоследствии телеграммой на имя командира полка вынес: „спасибо молодцам фанагорийцам за стойкое и твердое поведение во время фабричных безпорядков". Свирепствующая жандармерия начала высылку и правых и виновных рабочих на родину и в места не столь отдаленные. „Залпы фанагорийцев" убили не только несколько рабочих, но они убили веру даже среди части стариков в то, что различные высокопоставленные лица снизойдут до участия к тяжелому положению рабочего люда. Для них стало совершенно ясным, что теперь им не накого надеяться больше, как на самих себя, на свои силы.

В 1898 г. вспыхивает забастовка на Норской фабрике. Рабочие довольствовались ничтожным заработком. Малолетним платили 15 коп., подросткам 25 коп. и мужчинам 45 коп. в день. Женщины получали от 3-х до 7-ми рублей в месяц. Рабочие мирились даже с тем, что плохо проверяемые станки надзирателями, а не техниками, понижали их и без того мизерный заработок. Грубость директора инженера Гангофского и рукоприкладство его помощника г. Петровых, тоже кротко переносились рабочими. Но чашу терпения переполнило понижение заработной платы на лето. Администрация пользовалась тем, что значительная часть рабочих на фабрике только работала зимой, а на лето уходила в деревню для сельских работ. Всегда она пыталась оставшейся на ф-ке летом части рабочих, не связанных с землей, сократить и понизить расценки. Долго рабочие не решались об'явить забастовку, пока несколько рабочих, ранее учавствовавших в забастовках на других фабриках, не взялись за ее организацию. Забастовавшие рабочие пред'явили следующие требования:

1) Повышение заработной платы на 15%.
2) Приведение в надлежащий вид станков и
3) удаление надзирателей от поверки станков и замены их сведующим техником.

Вызванная директором полиция кинулась избивать рабочих. Произошла свалка. Жандармское управление арестовывает 14 ра-

бочих, а остальная запуганная масса, лишенная руководителей, покорно встает на работу. Всесильной жандармерии удается создать „дело“ и 9-ть рабочих пошли в долголетнюю ссылку на далекий Север Архангельской губернии.

Отсутствие „политики“ в движении рабочих 90-х годах, не говоря уже о 80-х годах, сразу бросается в глаза. Движение в эти годы носило исключительно экономический характер. Это об'ясняется тем, что никакая политическая организация не руководила движением рабочих. В этот период рабочие были предоставлены самим себе, в борьбе с эксплуататорами. Но все же опыт забастовок 90-х годов, вытравляя цеховую узость, ускорял рост сознания общности интересов всех рабочих, сознания человеческого достоинства, а в наиболее передовых рабочих уже шевелил и классовый инстинкт. Так как развитию умственной жизни рабочих и классового инстинкта, наиболее передовой их части, способствовало движение студентов Демидовского лицея, то нам на нем придется подробнее остановиться.

Студенческое движение.

Университеты и высшие учебные заведения считались очагами революции. Правительство для искоренения революционного духа в них, применяло жестокие репрессии. Но они, вместо успокоения, только усиливали движение учащихся, которое порой выливалось в новые волнения и бурные беспорядки. Уже в 1881 г. в Демидовском лицее существовал народовольческий кружок. Под его руководством в 1882 г. прошла демонстрация сочувствия студентов лицея своим товарищам Казанского и Петербургского Университетов. Об этом кружке в своих воспоминаниях („Былое“ 1906 г.) автор известных „Экономических очерков“ А. Бах говорит следующее: „Ярославский кружок состоял из 8 человек. С первого раза они на меня произвели в высшей степени благоприятное впечатление своей серьезностью и развитостью. Если бы все эти люди вышли на сцену в восходящий период революционной волны, а не в момент, когда она перешла в мелкую, а может быть, и мертвую зыбь, то они без всякого сомнения сыграли бы видную роль в революционном движении. У кружка не было никаких сношений ни с рабочими, ни с так называемым обществом. Имелись у него кружки самообразования среди студентов и гимназистов и это было все“. Члены кружка учительницы Жиряковы Ольга и Мария вели работу среди учащихся в г. Рыбинске. Кружок ставил себе задачей теоретическую подготовку своих членов для работы в народе. Он оказывал денежную помощь политическим заключенным на Каре и центральному органу партии. На предложение народовольца Минора, приехавшего в те годы в Демидовский лицей, перенести деятельность кружка в рабочую среду, кружок ответил возмущением. В 1886 г. этот кружок был разгромлен жандармским управлением. Члены его были жестоко покараны. Из 15 привле-

ченных по делу кружка 9 получили ссылку в Восточную Сибирь от 3-х до 10-ти лет. Возникший в 1886 г., из остатков народовольческого кружка, кружок учащихся, под руководством бр. Метлиных, мыслил, довольно таки своеобразно, борьбу с самодержавием. Он полагал, что самодержавие должно рухнуть, стоит лишь только в людях с детства прививать любовь к свободе. С целью осуществления этого способа борьбы с самодержавием, члены кружка вели работу среди детей. В 1888 г. кружок раскрывается жандармским управлением и ненасытная тюремная пасть поглотила наиболее активных его членов. Если первый народовольческий кружок, томясь в бездействии, все же стойко оберегал свой идеал— незыблемость русской самобытной общины, со всеми необходимыми, на их взгляд, элементами в ней для восприятия социалистического строя, стоит лишь только свергнуть самодержавие, то кружок бр. Метлиных, с его теорией воспитания в свободном духе детей, является яркой иллюстрацией того упадочного состояния, когда то могущественной партии. Слепая вера в непогрешимость своего идеала лишала их возможности видеть истинного вершителя судеб революционного движения — рабочий класс. Лишь только блестящая победа, одержанная марксизмом над народничеством, дала выход из тупика, открыв новые горизонты и студенчество высоко подняв знамя с.-демократии, в новый период своего движения, устремилось из стен лицея в гущу рабочей массы, поднимая ее спящие пласты.

Первые рабочие с.-д. кружки.

Возникновение первых с.-демократических кружков, среди Ярославских рабочих, относится к концу 90-х годов. Крупный промышленный центр — г. Ярославль привлекал с.-демократов обилием сырого материала, для своей деятельности. С момента перехода Ярославской Большой Мануфактуры к Карзинкиным и в особенности с тех пор, как директором ее стал проф. Московского технического училища Федоров, а его помощником Иванов, как никогда процветают штрафы, злоупотребления в лабазе принимают небывалые размеры, входит в обычай унизительное обращение с рабочими. Это, разумеется, не могло не усилить брожения среди рабочих, создавая благоприятную почву для революционной деятельности. В 1898 г., член Иваново-Вознесенского с.-демократического комитета, Гаравин делает попытку организовать с.-демократический кружок на ф-ке Карзинкина. Хотя попытка и кончилась неудачно, но она значительно облегчает дело организации сильного кружка рабочих этой фабрики в 1899 г. ст. Демидовского лицея Горном и технологом Носковым. Горн и Носков, через приехавшего из Петербурга с.-д. Власова, заводят связи с передовыми рабочими Карзинкинской фабрики, организовав впоследствии кружок. Развернув большую работу, на фабрике Карзинкина, кружок распространяет свою деятельность и на другие текстиль-

ные предприятия. Через ткача Соломина Вас. Порф., он ведет работу на Локаловской фабрике, на которой Соломин организует кружок из 6-ти человек. Власов и член кружка Карзинкинской фабрики Репин пытаются связаться с фабрикой Классен в Тутаеве и Норской Мануфактурой, стремясь поставить снабжение рабочих этих фабрик литературой. Кружок Карзинкинской фабрики деятельно пропагандирует рабочих, распространяет литературу, полученную им из Петербурга, организует свою кассу, в которую каждым членом кружка отчисляется ежемесячно 20 к., сносится с редакцией „Рабочего дела", снабжая ее материалами о жизни рабочих губернии. Силы кружка быстро растут так, что он с уверенностью готовится к организации политической забастовки 1 мая 1900 г. Осуществить полностью намеченных целей кружку не удалось. В конце 1899 г., благодаря предательству рабочего Карзинкинской фабрики Дорофеева, состоявшего членом кружка, он был раскрыт, а вместе с ним погиб кружок и на Локаловской фабрике. Но все же деятельность кружка дала блестящие результаты. Разбуженные умственные запросы рабочих увлекают их за утолением жажды знания в воскресные школы, различные народные чтения и библиотеки. Чтение нелегальной литературы стало единственной радостью сознательных рабочих, из рук которых эта литература с молниеносной быстротой ходила в рабочей массе. Наибольшим успехом пользовалась брошюра Дикштейна „Что нужно знать и помнить". Пропаганда кружка на многое раскрыла глаза передовым рабочим.

В начале 1900 г. ст. Демидовского лицея Ар. Доливо-Добровольский и Ярославцев возобновляют деятельность среди рабочих, прерванную на короткое время разгромом кружка Горна и Носкова. Через рабочих, Ив. Ставского, Семенухина и Ив. Короткова, они восстановляют связи с уцелевшими, после разгрома кружка Горна и Носкова, несколькими его членами и наиболее сознательными рабочими предприятий г. Ярославля. Вскоре им удается организовать кружок не только на Карзинкинской фабрике, но и на других предприятиях. Доливо-Добровольский и Ярославцев деятельно пропагандируют рабочих на сходках кружков. Раздаваемая ими литература закрепляет, устно передаваемые, знания.

Через учительницу воскресенской школы А. Д. Бабенко, они вербуют новых членов в кружки, из числа наиболее сознательных и развитых рабочих, ее посещающих. Рабочая масса положительно зачитывается нелегальной литературой, которую она получала от членов кружка, даже не исключая стариков. „Рабочая Мысль", распространяемая среди рабочих, первоначально старикам не нравилась. „Уж больно царя трогает" — говорили они. Но впоследствии она быстро завоевывает их симпатии. Ее отдел корреспонденций с мест, освещающий рабочее движение в России, поглощается с жадностью. Нечего говорить о молодежи. Агенты доносили жандармскому управлению тревожные вести. Жандармерия зашевелилась, так как

она, разумеется, не могла не заметить того оживления в рабочей массе, которое было внесено деятельностью кружков. Рабочий Дорофеев (предавший кружок Горна и Носкова) вводится ею в кружок Карзинкинской фабрики, игравший роль центрального, руководящего органа остальных кружков. Доливо-Добровольский и Ярославцев, зная, что Дорофеев был членом кружка Горна и Носкова и привлекался по делу этого кружка, охотно его приняли, но они не ведали того, что Дорофеев в это время уже состоял агентом жандармского управления. Вскоре Дорофеев вводит в кружок пристава 3-й части г. Ярославля Петрова, под именем Соколова, и городового Колесова, под именем Александрова, рекомендуя их „рабочими", вполне преданными делу движения людьми. Эти новообращенные „рабочие" оказались самыми точными в посещении сходок и безстрашными в выполнении различных поручений кружка, точно так же, пожалуй в большей степени, и поручений... жандармского управления. Узнав от своих агентов необходимое, жандармское управление возбудило „формальное дознание" о „революционных кружках", т. е. забрало в свои цепкие лапы всех активных членов кружков. Но норки кружков настолько были глубоки в среде рабочих, их пропаганда была настолько близкой дорогой рабочим, что администрация фабрики доходит до виртуозности в деле соблюдения рабочих в благонадежной непогрешимости. „Рабочее Дело" — так описывает эти ухищрения администрации.

Для того чтоб отвлечь внимание рабочих от чтения нелегальной литературы, администрация устраивает игры, танцы, лазание на столбы и т. п. Чтоб затруднить общение между собой рабочих, им строго настрого запрещается ходить в другие отделения, с работы же выпускают партиями одна за другой через $^1/_2$ часа по 50—100 человек и уже, само собой разумеется, ей все же далеко было до полиции и жандармерии, деятельность которых в этом направлении была недосягаема. Жандармское управление имело в своем распоряжении на самой фабрике целый аппарат в виде 2-х жандармов, пристава, 7-ми полицейских, не считая шпиков, которым „несть числа", кишевшим среди рабочих и в каморках, и во время работы, и в отделениях фабрики. Большинство этого „сонма" содержала администрация фабрики, впрочем имевшая помимо этой „стаи славных" жандармского управления на всякий случай и своих агентов. Но все это было дырявым зонтом, сквозь который град настойчивых попыток с.-демократов проникнуть в рабочие массы, все-таки успешно проходил. Правда, эти отеческие заботы жандармерии и администрации о нерушимости благонадежности рабочих, заставляли кружки глубоко замыкаться конспирацией, но все же деятельность их уже больше не прекращалась. Разгром этих кружков, само собой разумеется, не мог убить развития с.-демократической организации, которая отныне обрела характер более или менее постоянного существования, под именем Ярославского С.-Д Комитета, не смотря на различные ухищрения администрации фабрики и жандармерии.

900 годы характеризуются небывалым под‘емом революционной волны, прокатившейся по всей России. Непосредственное отражение этого под‘ема в Ярославле выразилось в росте с.-д. рабочих кружков, стачечном оживлении и сильно мдвижении среди учащихся. В 1901 г. С.-Демократический Комитет развивает свою деятельность наиболее полно. Член комитета Вайсман, совместно со ст. Демидовского лицея Захаровичем и Лужанским, организуют кружок на ф-ке Карзинкина. Работа кружка велась так конспиративно, что он первоначально даже и не подозревал о существовании другого кружка среди рабочих этой же фабрики, организованного корректором А. Лаптевым, издававшейся в Ярославле газеты „Северный Край“. Вскоре связь между кружками установилась и поддерживалась через рабочего Калинина, состоявшего одновременно членом обоих кружков. Деятельность кружков дала блестящие результаты. Они имели в качестве своих членов свыше 30 рабочих и непрерывающийся приток свежих сил из рабочей массы.

Демонстрация студентов в 1901 году.

Усилившееся политическое брожение среди студентов Демидовского лицея в значительной степени облегчало деятельность С.-Демократического Комитета.

Работы Комиссии ген. Ванновского по расследованию причин студенческих безпорядков, внесли некоторое успокоение в студенческую среду. Но ненадолго. Введение самодержавием временных правил о сдаче студентов в войска, вызвало небывалой силы взрыв студенческого движения, охватившего все высшие учебные заведения России. Как известно это движение проходило открыто с политическими лозунгами. Не минуло оно и Демидовского лицея. Созданный студентами лицея, студенческий комитет, сразу же занял политическую позицию, увлекая на путь политической борьбы и массу студенчества. В марте 1901 г. студенческий комитет, организует в лицее политическую демонстрацию протеста против применения знаменитых временных правил в Киевском университете. Демонстрация протекала в высшей степени организованно. Сходки многолюдны как никогда. Единодушие небывалое. Приводимые выдержки из выпущенного студенческим комитетом воззвания наглядным образом свидетельствуют о боевом настроении студенчества. „Студенческое движение, начавшееся в стенах лицея“ — говорит воззвание,—„вышло на улицу и привлекло к себе всех недовольных царским режимом. Уличные демонстрации свидетельствуют о возрастающем самосознании общества; протесты свидетельствуют не о протесте против отдельных фактов, а против царского режима“. Далее, отмечая рост недовольства царским режимом, воззвание продолжает: „Оглянись кругом русский гражданин и скажи по правде, по совести; есть ли такая отрасль народной жизни, где бы действовал закон, а не разные временные правила,

циркуляры, распоряжения и предписания министров? Найдешь ли ты такую обитель, где бы в течении только одного года не произошло массы насилий и попрания самых примитивных человеческих прав". Воззвание заканчивается страстным призывом: „Выходи же загнанный, забитый, лишенный прав русский гражданин и открыто скажи чего ты хочешь..... Иди же безправный русский гражданин, иди и проповедуй протест против царского режима, организуй и об'единяй недовольные элементы и когда раздастся призывной клич будь готов открыто встать в ряды бойцов. Правительство терроризует тебя, устраши его массовым протестом, а если нужно будет, приложи и силу. Не умывай рук в крови павших борцов, она вопиет к отмщению. Пусть эта кровь будет призывным кличем к открытой борьбе, воодушивит нас до забвения ничтожных личных интересов. Мужайтесь же русские граждане, будьте готовы к борьбе". Перепуганный директор лицея, умоляет губернатора прислать войска. Не менее перепуганный губернатор двигает на лицей всю полицию во главе с жандармерией и шлет еще ей в подкрепление 4 роты фанагорийцев. Не смотря на арест 77 студентов, демонстранты продолжают упорно держаться. Демонстрация студентов произвела большое впечатление не только на рабочих, но и на, так называемое, общество.

Комитет семинаристов.

Большую помощь Социал-Демократическому Комитету оказывает также и организационный комитет семинаристов. Возникший в 1901 г. в семинарии, кружок самообразования семинаристов был далек от участия в политической жизни. Организационный комитет, выбранный кружком самообразования, на страницах издававшегося им журнала „Звено", разрабатывал различные проекты реорганизации семинарий. Вся деятельность организационного комитета в этот период, выражаясь языком жандармского управления, была направлена на развитие „духа противления своему начальству" среди семинаристов. Но вскоре организационный комитет увлекается на путь политической борьбы. Уже второй номер „Звено" заполнен статьями на политические темы, а четвертый номер содержит в себе статьи перепечатанные из „Искры" и отдел хроники революционного движения.

Стачечная волна начала 900-х г.г.

Начало 900-х годов характеризуется также некоторым стачечным оживлением, не смотря на царивший в те годы промышленный кризис. Хлынувшая с Юга стачечная волна захватила и Ярославских рабочих. Да и рабочие уже не те, какими они были в 80-е и 90-е годы. По сведениям Губернского Статистического Комитета за 1901 г. грамотность рабочих достигла до 70%, и 77% рабочих губернии пришлых, не местных, следовательно, не

имеющих никакой связи с деревней. Кроме того, разумеется, что опыт первых шагов их движения в 80-е и 90-е года, и в последствие работа С.-Демократических кружков, не были безрезультатными.

В марте 1900 г. вспыхивает забастовка на Норской Мануфактуре из-за предполагавшегося понижения заработка на лето. Бастуют $^{2}/_{3}$ рабочих фабрики. Но арест 11 рабочих руководителей и организаторов забастовки, расстраивает сплоченность забастовавших. Их единодушие исчезает и стачка кончается неудачей. Полиция пытается выместить свою злобу на кучке рабочих, мирно шедших в Ярославль на традиционную ярмарку, обвиняя их в устройстве демонстрации. Частые и непомерные штрафы, злоупотребления в фабричном лабазе, низкий заработок, вызывают стачку на фабрике Классен в Тутаеве. Тщетно рабочие взывают к своим братьям мелких заводов и мастерских, находящихся в городе, о помощи и поддержке. Стачка тоже кончается неудачей. В феврале 1902 г. бастуют работницы фабрики Дунаева. До Рождества они получали $2^{1}/_{2}$ коп. с ящика, в который укладывалось 400 осьмушек табака. В январе их пытались заставить укладывать табак пачками в $^{1}/_{16}$ ф., которых в ящик уходило 800 шт., за $3^{1}/_{2}$ коп. с ящика. Работницы требовали 5 коп. Требование администрацией фабрики удовлетворено.

Бастуют отдельные цеха (ватерщики, прядильщики) Карзинкинской фабрики. Но на ней дело до забастовки рабочих всей фабрики не дошло, т. к. администрация распустила слух и упорно его раздувала, слух о том, что если рабочие фабрики забастуют, то правительство ее закроет. Даже бастуют фармацевты аптеки Фишера, который пытался ликвидировать эту забастовку домашним путем при помощи знакомого пристава, но безуспешно. В конце концов он удовлетворил полностью требования фармацевтов: о вежливом обращении, о жилище и пище.

Северный Рабочий Союз.

Для руководства нарастающими революционными движениями в северных губерниях, в августе 1901 года создается Северный Рабочий Союз. В него входят: Ярославский, Костромской и Иваново-Вознесенский С.-Д. Комитеты. За короткое время союз развивает большую деятельность. Он направляет работу местных комитетов, снабжает их литературой и устанавливает связь с ними, посредством районных представителей для каждой губернии. Члены Ярославского Соц.-Демократического Комитета Варенцова С. А., Евг. Дюбюк и Ек. Новицкая отличаются неутомимостью своей деятельности среди Ярославских рабочих. Листки издаваемые Комитетом проникали во все предприятия г. Ярославля. Особой неутомимостью пропагандиста в кружке отличалась т. Варенцова. Постепенно С.-Демократический Комитет овладевает нарастающим движением, направляя его в русло политической борьбы

с самодержавием. В своем возвании „Ко всем Ярославским рабочим“ посвященном освобождению крестьян, С.-Демократический Комитет вскрывая истинное значение освобождения крестьян, говорит: „Теперь мы знаем правду, и теперь мы, рабочие, борющиеся за лучшую жизнь, не дадим обмануть себя попам и прочим царским прихвостням. Мы хорошо знаем, что та свобода, которой добились наши отцы и деды, еще не вся та свобода, которая нужна нам, рабочим. Нам нужна политическая свобода, нам нужна свобода сходок и стачек, слова и печати.... Борясь не только за свои рабочие интересы, но и за интересы всего русского народа, мы сломим наконец царское самодержавное правительство,—и праздник, который мы будем праздновать тогда будет не 19-го февраля—день одурачения народа самодержавием, а день освобождения народа от самодержавия“. Но разгром жандармерией первоначально кружков на Карзинкинской фабрике, Студенческого Комитета, организационного Комитета Семинаристов, а впоследствии Северного Рабочего Союза, вместе с которым погиб и Ярославский С.-Демократичесяий Комитет, лишил руководства растущим движением. Кружки на фабрике Карзинкина и Студенческий Комитет жандармским управлением были раскрыты случайно. Распространяемые листки членами кружков и Студенческого Комитета навели жандармское управление на след, по которому оно добралось и до этих организаций. Организационный Комитет Семинаристов провалился благодаря тому, что, поехавший делегат его Дм. Крылов на с'езд, созванный центральным органом семинаристских организаций, был выслежен охранкой.

Северный Рабочий Союз, а вместе с ним и Ярославский С.-Демократический Комитет пали жертвой провокатора Меньшикова в апреле 1902 г. Бежавший из Киевской тюрмы Соц.-Дем. Блюменфельд был арестован охранным отделением на границе со всеми партийными шифрами и адресами. Расшифровав последние и снабдив ими Меньшикова охранка направила его в Ярославль, в котором находился Северный Рабочий Союз. Явившись к члену Центрального Комитета Северного Рабочего Союза и руководителю Ярославским С.-Д Комитетом С. А. Варенцовой Меньшиков отрекомендовался партийныл работником—представителем „Искры“. Цель своего приезда он об'яснил желанием „Искры“ установить тесную связь с ткацким районом. Никакого подозрения он возбудить не мог, т. к пароли и адреса всюду ему открывали двери. Пользуясь своим положением „центровика“, Меньшиков вскоре узнал сокровенные тайны организации. Например вплоть до того, что в Костроме у бр. Завариных в доме под крыльцом спрятаны типографские принадлежности и т. п. Разгромом Северного Рабочего Союза и местных Комитетов нанесен тягчайший удар революционному движению, который был особенно чувствителен в период роста и под'ема революционной волны. Силами поднадзорных восстановить С.-Демократическую Организацию в Ярославле не было никакой возможности. Каждый шаг поднадзорного был известен жандар-

мерии Но вскоре С.-Демократическая Организация возрождается. В начале 1903 года представитель „Искры“ т Бобровская приезжает в Ярославль с целью восстановления разгромленной организации. Осуществить полностью своей задачи ей не удалось, т. к. преследуемая жандармерией, она бежала из Ярославля. Но все же спустя некоторое время ее попытка увенчалась успехом. Остатки кружков возрождаются и к апрелю 1903 г. сложилась Ярославская С.-Демократическая группа, деятельностью которой руководит восстановленный Северный Рабочий Союз.

С.-Демократическая группа руководит забастовкой рабочих Дунаевской фабрики, начавшейся в конце сентября 1903 г., этим отблеском всеобщей стачки, охватившей все промышленные центры России. Рабочие Дунаевской фабрики требовали освобождения их от сверхурочных работ. Обращение к фабричному инспектору ни к чему не привело. Выбранные рабочими депутаты для переговоров с администрацией арестовываются и лишь спустя некоторое время освобождаются. Стачка кончается неудачей. Этой забастовке с.-демократическая группа посвящает несколько листков, в одном из которых она рекомендует рабочим способы борьбы не только с фабрикантами, но и с самодержавием. Вот эти способы: „1) Прежде всего нужно стараться, чтобы на Руси стало побольше понимающих людей. Надо растолковывать людям почему им живется плохо, чего им надо добиваться и как действовать, чтобы переменить к лучшему государственное устройство. Для этого необходимо давать честные книги, особенно же напечатанные без позволения начальства. Необходимо устраивать библиотеки и совместные чтения. (Пропаганда). 2) Надо побуждать людей к борьбе, чтобы люди не сидели сложа руки. Надо учить борьбе, чтобы люди не уступали и не сносили насилий (Агитация). 3) Для борьбы с обидчиками и правительством надо действовать скопом. Надо устраивать союзы для взаимопомощи и обороны и наступательной борьбы. (Организация). 4) Надо не только защищаться, но и самим нападать на обидчиков, травить их, не давать им покоя, мешать всем их делам. (Бойкот). 5) Выставлять свои требования начальству и хозяевам, уходить с работы скопом, не соглашаться идти на работу, пока требования не будут уважены. (Забастовка). 6) Собираться в городах, селах, фабриках большими толпами в назначенные заранее дни и часы. Например, во Всемирный Рабочий Праздник Мая (по нашему же 18 апреля), поднимать на улицах красные знамена с такими надписями: „Долой самодержавие“, „Свобода“, „Восьми часовой рабочий день“. (Демонстрация)“. Мы намеренно привели наиболее полно выдержку из этого обращения с.-демократической группы, так как она является ценным документом, характеризующим опыт практической деятельности с.-д. кружков и вместе с тем устраняет необходимость рассуждений об отношении их к экономизму, если принять во внимание, что с момента возникновения кружков красной нитью всех работ проходит руководство „Искры“. И после второго с'езда Ярослав-

ская с.-демократическая группа ведет работу под знаменем большевизма.

1904 г. не блещет событиями, ярко бросающимися в глаза. Разразившаяся Русско-Японская война была непонятной и непопулярной среди рабочих Не смотря на то, что неслыханные поражения на Дальнем Востоке и углублявшийся промышленный кризис, хотя и усиливали раздражение рабочих, но внешне царила зловещая тишина. Тем не менее в недрах рабочей массы, под влиянием этих событий, совершался глубокий процесс накопления острого чувства недовольства самодержавием. И неудивительно, что работа Социал-Демократической группы, в этот период, достигла наивысшего расцвета. Группа имела 4 районных комитета, об'единявших рабочие кружки и несколько пропагандистских кружков. Теперь уже руководители кружков и даже пропагандисты выдвигаются из среды рабочих. Следует отметить рост С-Демократических кружков на свинцово-белильных заводах и табачных фабриках. Кружки на этих предприятиях были настолько сильны, что пытались организовать политические забастовки рабочих. Но эти попытки не были успешны. Деятельность Ярославской С.-Демократической организации уже не ограничивается Ярославлем. Она распространяется и на Рыбинск, в котором возникает С-Демократическая группа.

Выражаясь современной терминологией, ударной работой С.-Демократической Организации, была антивоенная кампания. С.-Демократическая Организация ни на минуту не сомневалась в истинном значении войны.

В одном из ее листков говорится: „Русское правительство очень любит мир. Ему так хотелось бы, чтобы всенародный грабеж, учиненный им, все его преступления против народа, не вызвали сопротивления и мести. И оно запустило обе лапы в Корею и Манчжурию. Там царь со своими присными думал взять многие миллионы, вырубая леса на Ялу и захватив в Манчжурии все, что можно продать. Русское правительство знало, что эти захваты могут привести к войне, но соблазн был велик. Оно знало, что добытые миллионы поступают в его распоряжение, а войну придется вести не ему, а народу. Разве громадные расходы на войны из их кармана покрывать придется? на то есть послушные солдаты, на то есть народная казна. И пошли сотни тысяч солдат под пули и ядра, и полилась рекою кровь. На военные расходы не хватает миллиардов, выколачиваемых из русского народа, пришлось занимать во Франции и Германии и за все это придется расплачиваться до тла разоренному русскому народу". „Все деньги утекают на войну. Наступает громадный кризис", продолжает листок: „Сотни тысяч рабочих остаются без работы, их жены и дети бьются без куска хлеба. Идет на голодных рабочих гибель и нищета".

Другое обращение организации к „солдатам запасным" уже звучит призывом к вооруженному восстанию.

Вскрыв истинный смысл войны, обращение говорит: „Вы заранее сами должны овладеть оружием, обезоружить и распустить несогласных с вами товарищей. Помните, что сила царя и правительства в вас самих. Только вашими штыками и пушками держится оно против натиска рабочих. Р. С. Д. Р. П. призывает вас стать под знамена на борьбу за право свободных граждан и господство рабочего класса. Выбирайте. Не смущайтесь же..... и обратите ваше оружие против своих угнетателей“. Приведенные выдержки из листков С.-Д. Организации, с достаточной полностью, выявляют ее отношение к войне, а вместе с тем определяют и содержание той агитации, которую она вела среди рабочих.

Тем временем рост недовольства самодержавием, охвативший все слои населения, расширяясь углублялся. Всеобщая радость по поводу смерти министра внутренних дел Плеве служит наглядной иллюстрацией этого глубокого чувства недовольства. Попытка „заигрывания“ правительства с либеральными слоями населения, в виде назначения на пост министра внутренних дел Святополк-Мирского, не разряжала революционной атмосферы, а только усиливала ее. Истинное отражение, затаенное в глубине души рабочего класса, жгучего чувства ненависти к самодержавию, имела декабрьская стачка Бакинских рабочих. Она показала самодержавию, что вулканические силы пролетариата могут не только потрясти его основы, но и разрушить без остатка вместе с либеральствующей буржуазией, пытавшейся использовать рабочий класс, как союзника в борьбе с абсолютизмом. И эти вулканические силы пролетариата, глухо бурлившие в нем в 1904 г., бурным потоком вырвались на поверхность общественной жизни с наступлением 1905 г.

1905-й год.

В движении Ярославских рабочих в 1905 г. можно различать два момента. Первый из них характеризуется организацией, сплочением и единением рабочей массы и второй, непосредственным действием. Начало 1905 г. застает С.-Д Организацию за оживленной деятельностью в рабочей среде, направленной на сплочение их и мобилизацию для грядущих выступлений. Этим об‘ясняется тот слабый отклик ярославских рабочих на 9 января. Этот отклик, как в Ярославле, так и в Рыбинске, выразился в забастовках некоторых предприятий, прекращении занятий в средних учебных заведениях и Демидовском лицее. Но искра, занесенная январскими событиями в Петербурге, в Ярославле и Рыбинске тлела в течении последующих месяцев, экономической борьбы рабочих с фабрикантами. Бастуют грузчики в Рыбинске, требуя увеличения жалованья на 5 руб. в месяц, выдачи порционных денег и сокращения рабочего дня. Волнуются рабочие Карзинкинской фабрики, благодаря введению двухсменной работы по 9 часов каждой смены и оставлением 10-ти часового рабочего дня для поденщиков. Добиваются увеличения заработной платы железнодорожники.

Правительство, в отношении к рабочим, металось между репрессиями и миролюбием. Эти колебания и растерянность самодержавия до некоторой степени связывали руки жандармерии и, следовательно, облегчали С.-Д. Организации возможность тесной связи с рабочей массой.

С.-Д. Организация деятельно готовится к первомайскому рабочему празднику.

Ей удается организовать первомайские демонстрации в Ярославле и Рыбинске. В демонстрациях принимают участин не только рабочие, но и революционно настроенная учащаяся молодежь. Демонстрации происходили за городом, при чем крестьяне крайне враждебно относились к демонстрантам. В Ярославле казаки и полиция, по возвращении демонстрантов в город, кинулись избивать их. Произошла стычка, в результате которой оказались не только избитые, но и тяжело раненые.

После первомайских демонстраций замечается некоторое оживление в стачечном движении не только рабочих, но и служащих различных государственных учреждений.

Но движение и в эти месяцы носит характер экономической борьбы. С.-Д. Организация напрягает все силы для того, чтобы овладеть этим движением и направить его в русло политической борьбы с правительством. Наконец закон о Булыгинской Думе, которым рабочие были обойдены, начавшаяся агитация, организованная доктором Кацауровым, Ярославского Отдела Союза Русского Народа и безчинства казаков, повышает раздраженность рабочих. В августе С.-Д. Организации удается блестяще провести политические демонстрации в Рыбинске и Ярославле. Лозунгами демонстрантов были: „Долой самодержавие" и „Да здравствует вооруженное восстание". В сентябре движение ширится, увлекая даже ремесленников и рабочих мелких заводов и мастерских.

После издания указа об автономии высших учебных заведений, Демидовский лицей становится местом собраний бастующих. Совет лицея и часть студентов, организовавшаяся в академическую группу, хотя и пытаются закрыть двери лицея, но тщетно. Широкой волной врываются в него участники движения.

Средние учебные заведения продолжают политическую забастовку.

Но на ряду с ростом революционного движения, организуются и черносотенцы. В деятельности Ярославского Отдела Союза Русского Народа принимают близкое участие не только не безизвестный иеромонах Иллиодор и присланный из Петербурга патентованный черносотенец Тришатный, но и губернатор Рогович.

В начале октября революционная атмосфера повышается. Пущенный кем то слух об аресте правительством „совещания по пересмотру устава пенсионных касс", переименовавшего себя в „первый делегатский с'езд представителей ж. д.", вызывает забастовку железнодорожников. Движение на Ярославской ж. д. пре-

кращается. Октябрский манифест еще больше сгущает революционную атмосферу.

В Ярославле в день получения манифеста С.-Д. Организацией проводятся несколько многотысячных митингов, в разных частях города.

Выступления на этих митинтах с.-д. отличаются особенным успехом. Их призывы не останавливаться на полпути борьбы с самодержавием и не удовлетворяться добытыми свободами, имели массовый отклик. Тем временем Ярославский Отдел Союза Русского Народа не дремал. При помощи полиции черносотенцы 18 октября избивают студентов Демидовского лицея. В последующие дни до 21 октября, разнузданность черносотенцев, поощряемая и всячески поддерживаемая губернатором Роговичем, выливается в еврейский погром. Отклик еврейского погрома, в Рыбинске, выразился в избиении крючниками учащихся и демонстрантов железно-дорожных рабочих. Местные власти, пользуясь раздражением грузчиков, вызванным отсутствием заработка, ввиду забастовки железно-дорожников, натравляют их на учащихся и рабочих. Растерянность, внесенная черносотенными погромами в рабочую среду, не была длительной. В Ярославле под руководством с.-д. группы в начале ноября вспыхивает забастовка рабочих большинства предприятий. К забастовке примыкают служащие государственных учреждений. Нечего уже говорить о молодежи. Забастовка перекидывается и на Рыбинских рабочих. Эти забастовки являются яркой иллюстрацией того колосального влияния С.-Д. организации, которое она имела в рабочих массах.

Для предупреждения возможных черносотенных погромов, на фабриках и заводах, по призыву с.-демократов, рабочие организуют боевые дружины.

Разрастающееся движение выливается в ноябрьско-декабрьское выступление Ярославских рабочих.

Прежде чем приступить к рассмотрению этого выступления, необходимо заметить, что оно коренным образом отличается от предыдущего движения Ярославских рабочих в 1905 г.

Если движение Ярославских рабочих до ноября носило неорганизованный характер, имело разобщенности между отдельными частями выступавших рабочих, полную разрозненность этих выступлений, то ноябрьско-декабрьское выступление поражает своей организованностью, сплоченностью и единодушием и редкой дисциплинированностью.

Яркой характеристикой этого выступления служит стачка рабочих Карзинкинской фабрики, забастовка железнодорожников и почтово-телеграфных работников.

На Карзинкинской фабрике начало стачки следует отнести к 25 октября. Сперва свои требования о прибавке жалованья и расценок пред'явили рабочие механического отдела, а за ними постепенно стали делать то же рабочие и всех остальных цехов и 25-го октября половина фабрики стала. Правление ответило на

требование рабочих прибавкой 10% на рубль и увеличением квартирных денег. Больше всех довольны этим решением остались прядильщики, которые 27 октября вышли на работу и тем прекратили забастовку. Но после этого, вплоть до 15 ноября брожение среди рабочих не прекращалось и в особенности усилилось, когда у рабочих возник судебный процесс с фабрикой из-за обозначившейся переработки лишних аршин миткаля. В течении многих лет все требования рабочих других цехов неизменно отклонялись правлением. Терпение рабочих истощилось. 15-го ноября с криком „кончай работу“, рабочие всей фабрики забастовали. Вечером в тот же день состоялся в училище фабрики митинг, на котором рабочие решили принять в свой Союз обратившихся к ним служащих фабрики. На другой день служащие тоже забастовали. Союз рабочих и работниц Карзинкинской фабрики ставил своей целью „защиту правовых и профессиональных интересов, улучшение материального положения своих членов и содействие их умственному развитию“. Стремления и задачи Союза общи и солидарны, со стремлениями и задачами всего рабочего класса и трудового крестьянства (из устава Союза). Петиция рабочих, выработанная Союзом, говорит:

1) Требуем установить 8-ми часовой рабочий день для всех рабочих;

2) Увеличить заработную плату для всех рабочих мужчин на 30%, а для дневных рабочих на 45% и т. д.

Среди других требований имеется и требование о замене крестного хода, празднованием 1 мая, предоставления помещения для собраний и т. п. Отказ правления фабрики в удовлетворении требований еще больше сплотил рабочих. Рабочие удаляют с фабрики казаков и полицию и порядок поддерживается организованной ими милицией. Ежедневно происходящие митинги используются с.-д. для пропаганды программы Р. С. Д. Р. П. и ознакомления рабочих с историей революционного движения, как в России, так и на Западе.

Большой выдержанностью и сплоченностью обращает на себя внимание забастовка железно-дорожников. Как известно эта забастовка была вызвана слухом об аресте совещания по пересмотру устава пенсионных касс, переименовавшего себя впоследствии в первый делегатский с‘езд представителей железных дорог.

В начале ноября, по призыву рыбинской с.-д. группы, к бастующим Ярославским железнодорожникам присоединяются и рабочие рыбинских железнодорожных мастерских. Забастовкой железнодорожников руководит ими избранное бюро, которое сносится с Московским Центральным ж.-д. Комитетом. Забастовка почтово-телеграфных работников началась и протекала под руководством Центрального Бюро Всероссийского Союза почтово-телеграфных служащих. Забастовкой почтово-телеграфных работников увлекаются и ж.-д. телеграфисты, а также и соседние к Ярославлю почтовые учреждения.

Забастовочное движение ширится, захватывая все большее и большее количество предприятий.

В Ярославле бастуют табачные фабрики Вахрамеева, спичечная Дунаева, свинцово-белильные заводы в забастовке об'единяются, создавая свой орган руководивший забастовкой.

Бастуют официанты, приказчики, сапожники, прачки, извозчики, даже жертвы домов терпимости и т. д.

Стачечная волна перекидывается и на предприятия, расположенные вне Ярославля. Из этих предприятий забастовкой охватываются фабрики: Сакина, Локалова, Классена в Тутаеве, Кекина в Ростове и Норская Мануфактура, не говоря уже о Рыбинске, в котором забастовка принимает, как и в Ярославле, массовый поголовный характер.

В Ярославле для руководства стачечной борьбой создается стачечный комитет. Он явился штабом бастующих рабочих. Он организует помощь стачечникам. Так называемое общество живо откликается на призыв стачечного комитета о помощи бастующим Некоторые фабриканты, поверженные в панику, грозным, невиданной силы движением рабочих, быстро идут на уступки, удовлетворяя требования стачечников. Но накопляемое десятками лет чувство глубокой ненависти и вражды рабочих масс к фабрикантам и правительству, не удовлетворялось этими жалкими подачками.

С.-Д. Организация развивает колоссальную деятельность. Ее ряды растут с изумительной быстротой. На митингах, ежедневно происходящих в манеже Фанагорийского полка, С.-Д. Организация безраздельно властвует. Выступления организации Соц. Революционеров, недавно возникшей, неизменно обрекаются на неудачу. В борьбе с эс-эрами, с.-д. всегда одерживали победу. Рабочая масса хотела и слушала только истинно революционную партию Р. С. Д. Р. П. Представители, сложившейся в Ярославле Конституционно-Демократической группы, разделяли в рабочей среде участь эс-эров и даже больше. Рабочие не давали им и рта открыть. Губернские власти в полной растерянности от победоносного выступления рабочих. Черная сотня парализована всеобщим под'емом, а ее наиболее ретивые агенты нещадно избиваются рабочими, листки же ими распространяемые от Союза Русского Народа сжигаются, даже не будучи прочитанными. Эта атмосфера всеобщего под'ема заражает и фанагорийцев, не смотря на ухищрения командного состава полка, которые подчас доходят до нелепости. Так например, в одном из приказов командира полка говорится, что солдатам разрешается получать присылаемые им письма, только на немецком, французском и польском языках. Но фанагорийцы не взирая на виртуозность мер, предпринимаемых начальством, для полной их изоляции от внешнего мира, принимают активное участие в движении, они берут на себя охрану зданий, в которых происходят митинги, поддерживают порядок и т. д. С.-Д. Организация посвящает им листок, под названием: „Молодцы фанагорийцы", в котором, напоминая вынесенное

им спасибо от царя за расстрел Карзинкинских рабочих в 1895 г. выражает уверенность в том, что своей помощью рабочим фанагорийцы заслужат родное спасибо от рабочих масс.

Агитация Социал-Демократической Организации имеет небывалый успех. Выдвигаемые ею лозунги живо воспоминаются рабочими массами с большим воодушевлением. Но ее работа протекает не только на митингах. Через своего члена Виктора Лбовского организация ведет работу в Ярославском гарнизоне и, главным образом, в Фанагорийском полку. Деятельность Лбовского направлена к созданию военной организации. Вскоре ему удается планомерно вести работу в этом направлении через представителей рот и батальонов, группировавшихся около него. Через этих же представителей Лбовский распространяет литературу и ведет беседу с солдатами.

9 декабря 1905 г.

Тем временем настроение рабочих масс все больше и больше повышается, достигая наивысшего предела. С.-Д. Организация на 9-го декабря назначает вооруженную демонстрацию. В назначенный день в город двигается многотысячная толпа рабочих Карзинкинской фабрики. На пути к карзинкинцам присоединяются рабочие других предприятий. Число демонстрантов быстро увеличивается. Губернские власти встретили демонстрацию казаками, которым был дан приказ патронов не жалеть. Офицер, командовавший казаками, отдает приказ приготовляться к стрельбе. Настала жуткая минута. Часть казаков отделяется от отряда и с гиком и диким криками, с поднятыми нагайками мчатся на рабочих. Боевая дружина не растерялась, она дала залп из револьверов. Казаки дрогнули и рассыпались по всем направлениям. Но в это время другая часть казаков открыла по демонстрантам стрельбу пачками. Рабочие отступили, оставив на месте 9 чел. убитых и много раненых. Казаки с подоспевшей на помощь полицией бросились преследовать рабочих. Явившаяся черная сотня кинулась избивать демонстрантов. Началась настоящая охота за красным зверем.

Эта дикая расправа взволновала весь город. Даже Городская Дума решила выразить глубокое сожаление рабочим и негодование виновникам, почтить память погибших рабочих вставанием и выпустила успокоительное обращение к населению города.

Совершенно излишне говорить о том возбуждении, которое царило в рабочей массе.

11 декабря убитых рабочих Ярославля хоронили.

Ничего подобного Ярославль не видел...

Уже к 8-ми часам утра, громадная площадь перед училищем на Карзинкинской фабрике стала быстро заполняться желающими

отдать должное жертвам казацких пуль. Рабочие блузы, куртки учащихся смешались с чистыми плащами и накидками.

Все здесь слилось во едино.

Эта многочисленная процессия открывалась боевой дружиной, вслед за которой тянулась густая волна венков и лент, замыкавшаяся безбрежным морем обнаженных голов.

Среди обилия венков мелькали и такие надписи: „Не нужно ни песен, ни слез мертвецам, воздайте им лучший почет, шагайте без страха по мертвым телам, несите их знамя вперед". — От рабочих фабрики Феникс; „Мы вам колонны отольем из пушек побежденных". — Почтово-телеграфные работники и т. д.

Это величие процессии парализовало губернских властелителей. Даже черная сотня не решалась действовать.

При звуках: „Вы жертвою пали" гробы медленно опускаются в могилу. Грустно склоняются знамена. Невыразимым горем звучит последний прощальный салют боевой дружины.

Эта зверская расправа с рабочими, или „кровавая пятница" как она памятна ярославцам, еще больше сплотила рабочие массы, На происходивших митингах они заявляли о решительной борьбе с самодержавием под руководством Р. С. Д. Р. П.

Ярославские рабочие чутко прислушивались к шуму борьбы московского пролетариата, взявшегося за оружие. Ярославские рабочие были преисполнены твердой решимости поддержать московских товарищей.

Но над Россией уже поднималась зловещая рука, оправившейся от смятения, реакции.

Арестом Петербургского Совета, правительство нанесло смертельный удар в сердце пролетариата. Да и, кроме того, силы пролетариата от длительного чрезмерного напряжения истощались.

В потоках крови заливается вооруженное восстание московских рабочих.

Революционная волна, так высоко поднявшаяся, переходит в мелкую зыбь.

С обычной жестокостью расправляются с революционерами посылаемые правительством карательные экспедиции.

Военно-полевые суды завершают дело кровавых расправ.

В конце декабря падает под'ем и ярославских рабочих. Стачки прекращаются. Черная сотня работает во всю. В Ростове она подпаивает крестьян, приехавших в город на базар, которые набрасываются на митинг пекарей и жестоко их избивают. Не удовлетворяясь избиением пекарей, пьяные, потерявшие рассудок крестьяне, поощряемые полицией, рыщут по городу в погоне за социалистами (с.-д.).

Жандармерия по горячим следам преследует С.-Д. Организацию. Аресты и обыски вновь загоняют ее в недры подполья. Падает жертвой предательства ефрейтора Фанагорийского полка и военная организация Лбовского.

На вдохновителя расправы с рабочими, губернатора Римского-Корсакова, эсэровская организация производит покушение. Но безуспешно. И покушавшийся платится жизнью за свою попытку.

Разнузданность губернских заправил, вымещающих злобу за былое свое безсилие, не знает предела.

Наступает период безпросветной и глухой реакции. На этом безотрадном фоне жестоких расправ, только продолжающаяся забастовка на Карзинкинской фабрике является отблеском революционного пламени ярославских рабочих в былых его выступлениях. Но в Январе 1906 г. и этот блеск меркнет. Стачка карзинкинских рабочих кончается неудачей. Так прошел и кончился великий 1905 год в Ярославле.

Евг. Дмитриев.

ВОСПОМИНАНИЯ.

СТРАНИЧКИ ВОСПОМИНАНИЙ.

(1905 год).

Из Тулы на Волгу.

Весь 1905-й год был для меня годом скитаний, годом необычайно напряженной и плодотворной агитационно-пропагандистской работы. Достаточно отметить пункты моей работы этого года: Питер — Тверь — Нижний — Одесса — Севастополь — Тула — Ярославль—Кострома—Нижний—Москва.

Здесь я хочу остановиться подробнее на осеннем периоде своей работы в качестве агитатора-пропагандиста. В августе в Тулу приехал покойный товарищ Радин (Богдан Кнунианц), по поручению Ц. К. Жилось мне в Туле довольно скучно: организация была слабая, и много времени пропадало у меня зря. Жил я в доме местного присяжного поверенного Рязанова, который тогда вместе со своей женой — бывшей поповной — сочувствовали и помогали нам (впоследствии они стали злейшими нашими врагами). Работал по организации рабочих патронного и ружейного заводов. Приходилось целыми часами высиживать на староверческом (или, как его называли местные рабочие, столоверческом) кладбище, ожидая прихода на свидание какого-нибудь рабочего или кружка. Работа шла необычайно вяло, и я тяготился Тулой, — не было размаха. Поэтому я очень обрадовался, когда тов. Радин предложил мне поехать по Волге в качестве раз'ездного пропагандиста-агитатора. Задача была такая: группа агитаторов разбрасывается по наиболее важным, особенно промышленным районам и ведет кампанию против участия в так называемой Булыгинской Думе. Задача была в том, чтобы не только разоблачить замыслы помещиков и капиталистов и сорвать выборы в эту Думу, но раз'яснить рабочим и крестьянам их правильную тактику на ближайший период: организация и собирание сил для вооруженного восстания. Нас отправлялось на Волгу целая группа, если не ошибаюсь, в этой группе были: тов. Лаврентий (работал в Костроме и Иваново-Вознесенске), тов. Терентий — в Твери и Павел „Нижегородец“ (П. Мостовенко) — там-же.

На Волге. Арест и побег.

С паспортом на имя цехового мастера столярного цеха г. Юрьева Александра Рунге, полученным от тов. „Тетеньки“ (Вжосек) я выехал через Москву по дороге на Волгу. Начал я свою работу с Костромы. Но предварительно побывал в некоторых уездах Костромской губ. (в Галичском, например). Передвигался на пароходе вместе с крестьянами в трюме или на палубе, а где и пешком: денег у меня было в обрез, да и удобнее было. В мешке у меня был плотницко-столярный инструмент, хорошо отточенный топор, рубанок, лучковая и ручная пила, стамески, долота, сверла. Столярил я плохо, но кое-какие починки сделать мог. Был очень маленький и хорошо запрятанный запас листков и брошюрок, хотя в этом и не было у меня большой надобности, так как я больше в беседах вел свою работу. Беседу я вел чрезвычайно осторожно, но бил в самую точку. За время этого путешествия собрал я довольно хороший материал о взаимоотношениях местных помещиков и крестьян. Как раз в это время происходили местами столкновения крестьян с помещиками из за лугов, которые крестьяне считали своими („деды косили“); помещики призывали стражников, происходили кровавые стычки. В то-же время „сельско-хозяйственные общества“, руководимые земцами и сами земцы собрали в Костроме с‘езд, чтобы на нем провести свою линию относительно участия в Булыгинской Думе.

Незадолго до приезда в Кострому, меня в одном селе арестовали. Сидел я в деревенской чайной и пил чай, рассказывая „новости“; рассказывал про „Потемкинское восстание“ (восстание черно-морского флота летом 1905 г.), про стачки и крестьянские волнения, про захваты помещичьих земель, лугов и лесов, про русско-японскую войну и пр. и т. д. Страна жила тогда лихорадочно, и газеты — даже подцензурные, давали огромный агитационный материал. Я вытащил из своего мешка несколько старых номеров столичных и местных газет и читал оттуда „новости“, поясняя их. Около меня собралась довольно изрядная группа слушателей, чем и привлекла хозяина трактира. Тот стоял тут-же и долго слушал.

— А скажи, пожалуйста, какой ты есть человек, — обратился он ко мне, что-то ты больно умен, все знаешь. —

— Какой человек! Обыкновенный человек, — мастеровой, отвечал я уверенно. Не видишь, — што-ли? Столярничаю, плотничаю. А что, нет-ли у тебя работы какой, починки?

— Мастеровой! Ишь ты какой шустрый мастеровой! Сам говоришь — мастеровой, а с сыром чай пьешь, говорил недоверчиво трактирщик, за такое мастерство тебя, милый, надо маленько проучить...

Он ушел, а через две-три минуты появился урядник, подошел ко мне, взял меня за плечи и сказал:

— Собирай-ка свой струмент, да пойдем. —

Я знал, что сопротивляться — хуже будет и пошел, как будто ни в чем не бывало.

— Куда ведешь меня, — спросил я его, когда мы вышли из трактира, сопровождаемые крестьянами, которые гурьбой высыпали и обсуждали происшедшее.

— Да уж увидишь. Вот ужо подождешь тут в одном доме, а я схожу к земскому, спрошу его, что с тобой делать.

Он привел меня к какому-то дому с заколоченными досками, без стекол, окнами. Около дома сидел старик.

— Принимай жильца, сказал урядник. А струмент и паспорт давай сюда, я тебе его верну через час. —

Старик отодвинул засов от двери, открыл дверь: пахнуло свежестью темного сырого помещения. Мне знаком был уже этот запах тюрьмы. Дверь закрылась, и засов тотчас-же задвинулся. Я остался в темноте. Сквозь щели досок видны были улицы. Одно окно выходило во двор и доска была чуточку оторвана, я быстро осмотрелся и решил уйти из этого убежища, как можно скорее.

Прошло около часу, никто ко мне не входил. Я легонько попробовал нажать на доску, — она отходила, держалась на ржавом гвозде. Через несколько времени дверь открылась, пришел старик-сторож и спросил, не надо-ли мне чего поесть. Я дал ему денег и велел купить, что можно.

— И водки можно купить? Спросил старик.

— Купи, если можно. —

— Почто не можно, — мы все можем достать, отвечал старик с достоинством.

Я подождал немного. В щелку окна видел, как по улице шагает, удаляясь, старик. Уже вечерело. Я решил попытаться выбраться из своей нехитрой, деревенской тюрьмы. Нажавши с силой на отставшую доску, я без большого труда оторвал ее, а с ее помощью оторвал и другую. Быстро выбрался я во двор и прошел в ближайший закоулок. Быстро, почти бегом, но в то-же время стараясь казаться совершенно спокойным, прошел я за околицу и зарылся в солому на окраине села, около какого-то, отдельно стоящего дома. Я лежал там до глубокой ночи. Слышал какую-то беготню, или мне так казалось. Порою мне казалось, что люди ходят около меня и ищут меня, но к ночи все стихло. Только собаки заливались на селе. Я выбрался из соломы и пошел к ближнему лесочку; там посидел, пока стало светать. Чуть звезды стали погасать на побледневшем небе, я пошел по дороге. Почти целые сутки я шел берегом Волги. На какой-то пристани я сел на пароход, шедший к Костроме, без паспорта, без своего „струмента“; забился в угол и дремал. К счастью, все сошло на этот раз очень благополучно. Часам к 11-ти я добрался до Костромы и отправился на явку.

В Костроме.

В кооперативной лавке, где я должен был разыскать какого-то Дмитрия Павловича (если я не забыл), я не застал кого-надо. Мне сказали, чтобы я шел в Губернское Земство, где встречу всех на совещании по поводу Булыгинской Думы. Действительно, я застал в Губернском Земском Собрании нечто вроде земско-крестьянского с'езда, где, под председательством известного земца-кадета Захария Френкеля, мужички обрабатывались для выборов в Булыгинскую Думу. Меня в лицо не знали даже местные работники. Я подошел к председателю и попросил слова. Председатель долго расспрашивал меня, кто я, какой партии. Я отвечал уклончиво, назвал первую пришедшую в голову фамилию, и, после долгих колебаний, председатель дал мне слово.

Моя речь произвела впечатление разорвавшейся бомбы: повидимому, никто ее не ожидал. Больше всех поразило крестьян, что я открыто и смело раскрываю злодеяния помещиков и знаю местную жизнь крестьянства. После 10-ти минут речи председатель попробовал меня остановить и лишить слова. Он прервал меня и стал либерально и длинно об'яснять, что свобода слова вовсе не означает свободу говорить неприятные для кадетов вещи и пр. и пр. Повидимому, речь его изрядно надоела всем, и крестьяне стали настаивать, чтобы я продолжал. Я продолжал свою речь, использовав попытку лишить меня слова, как иллюстрацию кадетской буржуазной „свободы". В результате моего выступления прения, подходившие уже к концу, снова стали разгораться Во время перерыва крестьяне раскололись на две группы, и многие самым решительным образом заявили, что господской Булыгинской Думы им не надо. Зажиточные мужики подскакивали ко мне с какой-то злобой и говорили: „Все ты виноват, расжег нас, все у нас шло по хорошему, все мы были согласны за одно, за эту Думу, значит". На это другие отвечали: „Мы вас не неволим, а только верно товарищ сказал, что с волками иначе не делать мировой, как снявши шкуру с них долой".

Я не помню в точности, какую резолюцию приняло собрание, да это и не так важно сейчас. Ко мне подошли местные товарищи большевики: Стопани, Митрофаныч, т. Трифон и другие. Они очень обрадовались свежему человеку, я просил их использовать меня как агитатора, так как не думал задерживаться.

Но дело массовой агитации было поставлено неважно. Я всего два раза выступил перед рабочими местных фабрик с короткими речами. Собрания устраивались таким образом: мы поджидали конца работ недалеко от фабрики, придя за несколько минут до гудка. После гудка, когда рабочие и работницы выходили гурьбой из завода, мы останавливали их у мостика. Мой товарищ кричал: „Стой, товарищ, молебен служить будем". „Кто ругался, проходил мимо, многие задерживались. Затем следовала короткая 20-ти минутная речь. Вдали показывались фигуры городовых и собрание

заканчивалось. Вокруг оратора становились свои, революционно настроенные или даже входившие в организацию, рабочие.

В Костроме я пробыл недолго, потому что, очевидно, за мною началась слежка. Меня поселили в доме какого-то поляка-инженера, жена которого симпатизировала революционерам в силу совершенно небольшевистских идей: она была до мозга костей националисткой. В доме постоянно звучали слова и звуки гимна К. Уейского: „З дымем пожарув“, цитировался Мицкевич, Словацкий. И в этой-же квартире, на другой день моего там пребывания, за чайным столом собралась теплая компания: товарищ прокурора, тот самый З. Френкель, который на совещании разяснял мне основы и прелести буржуазной свободы слова и еще несколько человек крупных местных „общественных деятелей“ из кадетского мира. Мне даже показалось, что хозяйка нарочно их пригласила, чтобы „стравить“ с настоящим революционером.

На другой-же день своего пребывания в Костроме я добыл себе паспорт на имя Николая Истомина, сельского учителя. Я сообщил, чтобы на это имя мне посылали до востребования корреспонденцию. Когда я через несколько дней пришел на почту справляться относительно корреспонденции, девушка, сидевшая за конторкой, осторожно сообщила мне, что полиция справлялась уже, нет ли писем на это имя и приказала предупредить ее, если кто придет за подобной корреспонденцией. Я поблагодарил товарища и постарался избавиться от своего паспорта. В тот-же день я узнал, что розыскивается и Александр Рунге — мастер столярного цеха с паспортом которого я приехал в Кострому, причем оказалось, что человек с этой фамилией и с таким-же паспортом не то казнен в Финляндии, не то ожидает казни.

Поэтому я вскоре выбрался из Костромы и отправился на пароходе в Нижний.

В Нижнем-Новгороде.

В Нижнем я застал хорошую организацию, развившую большую работу в Сормове и вокруг Нижнего. Существовала и довольно значительная руководящая группа меньшевиков, среди которых я встретил знакомых пропагандистов из Питера, с которыми я работал в 1903—1904 г.г.: Сухова (которого за его красноречие называли Бебелем) и Н. Н. Соколова. Среди большевиков выделялся т. „Лопата“ (Строев) и рабочий Павлов (недавно умерший).

В Сормове велась главная работа. Революционное настроение сормовцев держало в страхе весь обывательский, буржуазный мещанский торговый Нижний. Это-же настроение влияло и на многочисленные „городки Окуровы“, описанные М. Горьким. Стоило в те дни пожить среди сормовцев, чтобы проникнуться этим живым, здоровым революционным классовым настроением. Я жил в Сормове в квартире Павлова, мать которого, говорят,

описана в повести М. Горького „Мать“, как и сам Павлов под именем Павла. Там всегда почти было шумно; задорная молодежь, вроде особенно ярко вспоминающегося тов. „Жака“ шумно дискуссировала со стариками. Некоторые начинали очень увлекаться так называемыми „эксами“, то есть вооруженными экспроприациями денежных ценностей из государственных учреждений и у отдельных капиталистов на революционные цели, на нужды организации. Эс-эрами велась проповедь политического террора, эту-же проповедь вели и отдельные анархисты. Не будучи, как и позже, противником экспроприации буржуазии даже в такой несовершенной, частичной форме, мы все видели, как опасно чрезмерное увлечение такого рода борьбою, как оно увлекает иногда в совершенно авантюристические предприятия очень хороших революционных рабочих. Поэтому приходилось бороться против этого увлечения. Все споры всегда шли вокруг вопросов: Дума (мы были все отчаянными бойкотистами, особенно по отношению Булыгинской Думы), вооруженное восстание с созывом Учредительного Собрания в результате победы его, всеобщая Всероссийская стачка, как средство, подготовляющее это восстание. Меньшевики отстаивали особую „социальную“ педагогику: рабочим, дескать, надо все испытать на опыте. На опыте-же они должны убедиться, что Булыгинская Дума не годится. Поэтому надо, чтобы они не препятствовали ее созыву. Уже тогда парламентаризм превращался в устах меньшевистских Бебелей в явный парламентский кретинизм; уже тогда можно было сказать про них: парламента еще у нас нет, а парламентских кретинов, то есть людей, обоготворяющих все спасающую природу парламента — сколько угодно.

Помню шумные споры на эти темы около Канавина, где рабочие (собирались по 200—300 человек) особенно внимательно и сочувственно слушали т. „Лопату“.

Его вообще очень уважали рабочие Сормова. А когда я рассказал историю борьбы рабочих за 1905 год, начиная с январьских дней, то меньшевистского Бебеля, не смотря на весь его агитаторский талант, (а он у него, несомненно, был), почти не слушали.

Во всяком случае идея всеобщей стачки тогда была самой распространенной, наиболее популярной, наиболее усвоенной. Вскоре ясно стало, что никакой Булыгинской Думе уже не бывать, что рабочие ее уже смели, перешагнули через нее и вплотную подошли ко всеобщей забастовке, как могучему средству политической борьбы с монархией.

В самый разгар всеобщей забастовки я ехал в Ярославль. Я уже не таился и на большом волжском пароходе, на котором я ехал в Ярославль, вел открыто беседу среди нескольких сот людей, сбившихся в третьем классе. Был один момент, когда особенно ярко сказалось, как далеко шагнуло революционное настроение не только рабочих, но и крестьян и просто обывателя. Как то в споре я упомянул имя царя. Несколько человек закри-

чало! „Царя не трогай“. Я спокойно попросил их выслушать меня и рассказал подробно историю 9 января 1905 г., как очевидец, со всеми подробностями. Слушали, прямо затаив дыхание. Когда кто-нибудь шумел, все махали на него руками, шикали, чтобы не мешал. И я мог уже спокойно после этого „трогать“ царя.

Забегая несколько вперед, отмечу еще один любопытный случай, где выяснилось отношение к Георгию Гапону. Это было уже после 17 октября на собрании граждан в Народном Доме в Нижнем, устроенном нашей организацией, где я, говоря о 9 января, характеризовал Георгия Гапона, как агента Охранного Отделения, как провокатора. Какая-то очень изысканно одетая женщина поднялась среди публики и почти истерически кричала мне: „Не смейте трогать *отца* Георгия! Это — святой человек, это — величайший революционер!“ И надо сказать, что ее слова, повидимому, тогда сочувственно встречались публикой. Я потом узнал, что это — эс-эрка. Георгий Гапон еще не вышел из моды, не был окончательно разоблачен, как провокатор, он еще пытался сделать карьеру заграницей и ему еще верили.

В Ярославле.

В Ярославль я прибыл в день об'явления манифеста. Я явился на квартиру инженера Голополосова, состоявшего тогда членом Ярославского Губернского Комитета нашей партии. Жена его Клавдия Васильевна тоже работала в организации. О манифесте еще не было известно. Когда я рассказал о цели моего приезда, они стали сожалеть о том, что я немножечко опоздал. Только что уехал товарищ из с. Норского, который приезжал за оратором для собрания на Норской Мануфактуре. — Так в чем-же дело, разве без этого товарища попасть нельзя туда. — Да нет, попасть, конечно можно, но как вы попадете туда без лошади, ведь не пойдете же пешком? — Я был очень удивлен этим, так как привык шагать не один десяток верст, когда надо. Расспросив дорогу, я с подошедшим товарищем отправился. Мы долго шли, дважды сбились с дороги, но добрались до Норской Мануфактуры во время. Норские ткачи и ткачихи жили в очень тяжелых условиях, и моя речь вызвала в них живое настроение, всколыхнула их. Свое одобрение они выражали гораздо больше возгласами, чем аплодисментами. После речи особенно задушевно мы побеседовали с небольшим кружком старых работников. Один из стариков говорил мне: „Остался-бы ты с нами. Видишь сколько у нас темноты. Вот я сам удивляюсь, как тебя слушали: в другое время, месяца два назад даже, не стали-бы слушать, прогнали-бы. Закабаленный у нас народ. Хозяина за Бога почитает“. И опять я видел здесь: создались условия, при которых даже с отсталыми рабочими можно говорить совершенно откровенно о самых острых политических вопросах. Мы расстались друзьями, и я обещал еще побывать на Мануфактуре.

Ночью я возвратился в Ярославль. В актовом зале Демидовского лицея, низком, похожем на коридор, битком набитом рабочими, студентами лицея и просто обывателями, я в первый раз выступил с оценкой манифеста 17 октября. Выступало ряд ораторов местной организации нашей партии и представители других партий. Среди работников нашей партии, кроме упомянутых уже т. Голополосова, были: т. Менжинский и Менжинская, т. Н. И. Подвойский, т. Данилов, Шаповаленко, Соколов, Сафонов, погибший при взрыве в Леонтьевском пер., в Москве, в 1919 г., Эм. Рихтер, Нанейшвили, доктор Плаксин, недурный молодой агитатор, ремесленник Гриша Дон, Розанова, студент Равич *) и ряд других работников. Среди эс-эров выделялась семья Хренковых— мать и дочь, а меньшевиков я совершенно не помню. У меня теперь впечатление, что меньшевистской организации совершенно не было: по крайне мере я не помню ни одного оратора, ни одного выступления, ни одного листка от имени этой организации. На этом первом собрании выступали и кадеты, вроде Черносвитова, чуть-ли не с выражениями полной солидарности с рабочим классом и его партией — партией большевиков. Ведь это были первые медовые дни свободы.

Между прочим, помню как Ярославские студенты лицея демонстрировали свою революционность студенческим хором какой-то незнакомою мне революционной песней с припевом:

„Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бед и наших зол:
Виноват во всем гербовый
Двуязычный, двухголовый
Всероссийский наш орел“...

Однако, на другой же день демонстрация, устроенная нашей организацией, была встречена около базара организованной черной сотней из хулиганов и лавочников. Произошло столкновение, во

---

*) Этот Равич потом стал меньшевиком. Он очень цветисто говорил перед студенческой аудиторией, но совершенно непонятно для рабочих. Однажды он, по моему предложению, подготовил речь. С этой речью он выступил на двух рабочих собраниях в один и тот же вечер. Гвоздем его речи была картина кровавого разлива в 1905 г.: на востоке льется кровь солдат, погибающих в войне, а в России — убиваемых черной сотней, полицией и казаками. И оба эти потока сливаются; кровь так переполняет Волгу, что она становится кроваво-красной и заливает луга. От ее крови становится красным *Черное* и *Средиземное* море и Атлантический океан. А окрашенный кровью Манджурских полей Тихий океан смешивает свои волны с этой кровью. Получилось очень пестро, но слушали внимательно и даже аплодировали шумно. На обратном пути меня спрашивает Равич: — „ну, как, хорошо, кажется сегодня я говорил? — Ну, да, лучше, конечно, чем раньше, только Волга то все таки течет не в Черное, а в Каспийское море“. Надо было видеть, как поражен был этим открытием т. Равич. Но я утешил его тем, что никто на это внимания не обратил, так как все остальные плохо помнят географию.

время которого ранены были т Подвойский и еще несколько человек. Надо сказать, что во главе демонстрации шла „боевая дружина“. Но что это была за дружина! Большинство дружинников не умело даже обращаться с оружием, стреляли в первый раз. Нет ничего удивительного, что эта дружина была разбита организованными хулиганами, уголовными преступниками. Кажется, в это же время была сделана попытка погрома против еврейских лавок: разгромлена была лучшая колбасная (Либкена). Но этот погром удалось быстро ликвидировать.

Если по всей стране прокатилась волна всеобщей забастовки, то в Ярославле и в Ярославской губернии эта волна именно после 17-го октября достигла наибольшей высоты. Бастовали все фабрики Ярославля: Большая Мануфактура (Корзинкиных), фабрики Дунаева и Вахромеева, Смоляковская белильная мануфактура, Локаловская мануфактура и др. Особенно упорной и напряженной была борьба корзинкинцев. На этой забастовке я остановлюсь потом подробнее.

До 17-го октября в Ярославле выходила газета „Северный Край“. В ней работала наша публика (Менжинские например), но только после 17-го октября газета приняла более определенный и яркий характер. Как это ни кажется мне сейчас странным, я не помню ни одной статьи, которую я написал-бы тогда для этой газеты. Главное внимание я уделял непосредственной работе в массе населения, пропаганде и агитации непосредственно в массах фабричного населения. И с этой массой я быстро сблизился.

Но газету рабочие считали своей. Особенно позже, когда газета наполнилась хроникой местного движения, призывами местных организаций и помогала руководить движением, рабочие ценили эту газету. Помню один случай уже во время забастовки на Корзинкинской Мануфактуре. Там организовалось при стачечном комитете нечто вроде публичного трибунала или суда. Приводили провинившихся в чем либо — было-ли это нарушение товарищеской дисциплины или какой-нибудь контр-революционный или просто враждебный, недоброжелательный по отношению к стачечникам шаг — виновного приводили на собрание и публично судили. И вот однажды, рабочие пожаловались на торговца, владельца ближайшего газетного киоска за то, что он выписывает буржуазные газеты, вроде „Русских Ведомостей“ и других, а не имеет „Борьбы“ и „Северного Края“. Часть собрания требовала немедленного закрытия киоска, другая настаивала на оштрафовании. Постановили: лавочника оштрафовать в счет стачечного фонда и обязать его выписывать рабочие газеты. Должен сказать, что лавочник вышел с собрания чрезвычайно радостный, прямо ног под собою не чувствовал, даже поклонился собранию: он шел на собрание с трепетом, уверенный, что с ним разделаются гораздо более круто.

Первым-же вопросом, вставшим перед Ярославским Комитетом после 17-го октября, был вопрос о том, чтобы создать

постоянную революционную трибуну. В городе не было ни одного сколько-нибудь подходящего помещения. Лицей был мал, неудобен, собирались несколько раз в каком-то театре, в Пушкинской библиотеке.

Собрания в манеже.

Остановились на манеже Фанагорийского полка. Когда мы пришли к коменданту города и предложили ему предоставить нам манеж под собрания, комендант очень растерялся. Он не может нам позволить устраивать собрания в воинских помещениях, на это он должен испросить разрешение из Московского Военного Округа. Мы дали ему на переговоры и размышления 36 часов. Мы сказали ему: „Через 36 часов мы придем к вам, и если к тому времени вы не дадите согласия, то мы займем это помещение без вашего согласия. А если при этом произойдет какое-нибудь столкновение, то помните, что вина падет целиком на вашу голову. Помните, что на собрание придет 5—6 тысяч рабочих, из них тысяча вооруженных“. Конечно, с нашей стороны это было большим преувеличением — насчет 1000 вооруженных — но мы не преувеличивали готовности и решимости рабочих постоять за нас, в случае необходимости. Через 24 часа комендант известил нас, что помещение нам будет дано, что он уже отдал соответствующие распоряжения: будет построена трибуна для ораторов, манеж будет освещен несколькими керосиновыми лампами, для поддержания чистоты будут наряды из солдат Фанагорийского полка. Большего мы и сами не ожидали.

На первое-же собрание в манеже явилось несколько тысяч человек. Эти собрания, которые мы устраивали систематически, через каждые несколько дней, на которых мы давали самое широкое освещение событиям того времени, наступившей быстро после 17-го октября правительственно-помещичьей реакции, а также и местной стачечной борьбы и других проявлений местной общественной жизни — все это придавало этим собраниям огромное значение. Влияние их было прямо громадно. Не было ни одного крупного вопроса, который бы не нашел на этой трибуне освещения. Вход был совершенно свободный. Приходили и черносотенцы, но держали они себя очень трусливо. Однажды я получил два предостерегающих письма: одно, подписанное „доброжелательница“, в котором меня кто-то предупреждал о том, что мне угрожает опасность, что меня собираются убить, а другое за подписью „Союз *онархистов*“ (монархистов, конечно), приблизительно, такого содержания: „скоро мы тебе за твою вредную противоправительственную работу кишки выпустим“. Я на собрании в манеже, характеризуя местных черносотенцев, прочел эти записки. Эффект получился совершенно неожиданный. Несколько человек закричало: „Мы знаем, кто это затевает, мы всех черносотенцев в лицо знаем, вот мы и здесь их видим. Не выпустим их отсюда

живыми“. Началась суматоха, во время которой черносотенцы бросились наутек.

Такие случаи бывали, впрочем, редко: несмотря на большую многолюдность (4—6 тысяч человек) собрания проходили в удивительно стройном порядке.

«Молодцы Фанагорийцы».

Эти собрания дали нам также и могучее орудие влияния на местный гарнизон, особенно же на фанагорийцев. На собрании всегда присутствовало несколько десятков солдат, хотя их и не пускали на собрания. Вскоре у нас образовалась в полку сплоченная, сознательная группа. Когда по Ярославлю распространился какой-то слух, что после молебствия в соборе, в большой царский праздник, молельщики, во главе с черной сотней, устроят погром — а погром действительно подготовлялся — фанагорийцы напечатали в местной газете заявление, что они не допустят погрома и с оружием в руках будут отстаивать революционный порядок. Это произвело очень большое впечатление. В тот день, действительно, фанагорийцы установили революционным путем (начальство как будто этого не замечало) патрули и дежурства. Никакого погрома не произошло, фанагорийцы нагнали изрядного страха на погромщиков. Тогда Ярославский Комитет выпустил составленный мною листок под заголовком „*Молодцы фанагорийцы*“. В этом листке говорилось о том, что 10 лет назад, — в 1895 г. — царь Николай Романов благодарил солдат такими словами за то, что фанагорийцы, одураченные царской дисциплиной, стреляли в рабочих Ярославской Большой Мануфактуры, боровшихся против своих эксплуататоров. Через десять лет фанагорийцы становятся на защиту рабочих, против врагов революции. И за эту защиту фанагорийцы получают спасибо не от царя, а от народа, который говорит им братски: „Молодцы фанагорийцы“. — Этот шаг имел еще большее значение для упрочения нашего влияния в армии. Когда несколько позже на собрание пришел и выступил на нем ефрейтор из Ростовского Гренадерского полка, поднявшего „бунт“ в Москве, ефрейтора этого солдаты подняли высоко на руках над толпою: кто-то целовал его, кругом не смолкало долгое „ура“, и мы видели, как на наших глазах растет революционное настроение полка.

Чтобы не возвращаться больше к работе в войсках, я коротко скажу об артиллерийской бригаде, стоявшей тогда в Ростове-Ярославском. Я ездил дважды в Ростов, где в бригаде у нас была очень хорошая сознательная группа артиллеристов-революционеров. Когда я в Ростове устраивал собрания, на них приходили и артиллеристы. Старый бригадный генерал как-то поймал меня в Земской библиотеке и убеждал меня, что революционный путь — неправильный, что „народ не созрел еще до республики“. Должен напомнить, что эта бригада была направлена

в декабрьские дни для усмирения восстания в Москве. Но охранявшие артиллеристов казаки сообщили, что артиллеристы хотят присоединиться к восставшим, и бригада была возвращена с пути обратно в Ростов.

Профессиональное движение.

Осенью 1905 г. наблюдалось особенно лихорадочное строительство профсоюзов. Оно шло с низов, центров руководящих не было, руководства не было, выработанных общих уставов—также. На моих глазах в Ярославле за два месяца почти все отдельные отрасли производства организовались в Союзы. Деятельную работу по их организации вел молодой товарищ Гриша Дон, часовщик из Вильны, выпоротый когда-то губернатором фон-Вален за демонстрацию. Это был очень энергичный, с горячим темпераментом паренек, которого очень любили рабочие и столь же ненавидели хозяева. Он-же производил обследование санитарных и других условий работы для выработки требований при стачках. В „Северном Крае", вероятно, сохранились образцы выработанных тогда уставов. Помню, как огромная толпа запрудила вход в комнатку, где происходила запись в союз на Корзинкинской мануфактуре.

Я спросил старую ткачиху, которая энергично протискивалась: „Что ты, мать, так торопишься, ведь успеешь записаться". — Как же, милый, мне не торопиться: годов моих много, а вдруг помру — и способия семье не выдадут даже на похороны". Совершенно отчетливо в полном об'еме задачи Профсоюзов понимали очень немногие. Опыта строительства не было. Эс-эры и здесь совались со своей „надклассовой" линией. Когда речь шла о том, чтобы сказать, что союз об'единяет пролетариат и защищает его интересы, они играли на психологии отсталых ткачей и ткачих, имевших еще довольно прочные связи с деревней. И выходило, что профессиональный союз образуется для защиты интересов пролетариата и крестьянства. Конечно, это вносило еще большую путаницу в понятие о профсоюзе.

Стачка на „Ярославской Большой М-ре".

Я не помню в точности, когда именно началась стачка. Но в конце 1905 г., она была самым крупным проявлением борьбы Ярославских рабочих и работниц. Правда, у многих живы были воспоминания борьбы 1895 г., кровавого усмирения „взбунтовавшихся рабов" господ Корзинкиных. Но огромное большинство ткачей, ткачих, прядильщиков и других, были люди со всем еще недавно оторванные от деревни. Условия работы были нищенские. Корзинкины считались „добрыми хозяевами". Их заступники и хвалители — а их на фабрике было очень много, начиная с попа и кончая отдельными мастерами, любимчиками и агентами Корзинкиных, — называли их „благодетелями". „Благодетели" выстроили

якобы „за свой счет“ театр для рабочих, школы, скверик небольшой и в большие праздники выдавали даже по 1 ф. семячек, (семячки стоили 2-3 к. фунт) на угощение. Всего рабочих и служащих было около 12 тысяч человек. Конечно, с миру по нитке,— голому рубаха. Корзинкины имели теплую, богатую рубаху. Бросая рабочим подачки, они могли наслаждаться всеми благами жизни. А рабочие получали нищенскую плату, жили в тяжелых условиях и боялись потерять даже и эту плату, потому что разоренная деревня ежедневно гнала новые и новые сотни деревенских парней и девушек, безлошадных и бесхозяйных крестьян и крестьянок, „лишние деревенские рты“ в город. Через родственников на фабрике, через подачки мастерам, поклонами и просьбами удавалось добиться места на фабрике. И жили так, чтобы „не пикнуть“.

Весь 1905 год, победа рабочего класса, успех его стачечной борьбы разбудили, расшевелили и „Ярославскую Большую М-ру“. Образовался стачечный комитет, в который нам удалось ввести и своего представителя от комитета партии. Надо сказать, что руководители стачки — совсем не социалисты — очень боялись, особенно вначале, испортить дело „политикой“. Поэтому, когда я отправился на первые собрания на больших фабриках, товарищи немедленно предупреждали меня: „Смотрите, не говорите про царя, про бога“. Однажды мне председатель собрания поставил такое требование, даже еще больше: „Не говори, пожалуйста, *про войну*, про царя, про бога“.

Конечно, эти опасения, эта боязнь острых политических тем происходит часто у товарищей из недостаточной оценки пароставшего настроения, а отчасти от неумелого подхода к рабочей и крестьянской массе. Я тогда, и много раз позже убеждался, что масса гораздо революционнее, способна итти гораздо дальше. Просто товарищи не всегда умели нащупать правильные точки опоры в сознании этих масс, выдвинуть наиболее чувствительные для массы моменты, связать повседневные, будничные „пятачковые“ интересы с большими политическими вопросами. Я никогда не уклонялся от обсуждения острых вопросов, не избегал политических тем. Когда председатель говорил мне: „не говорите про войну, про царя, про бога“, я конечно, не начинал с войны. Я начинал издалека, с крепостного права, со всероссийского разорения и масса сама подходила к тому, что теперь надо раз‘яснять про войну, а отсюда было рукой подать до царя, но надо было подготовить массу, чтобы у нее самой была острая потребность поставить этот вопрос. И о боге (мы не вели тогда религиозных диспутов, и в этом отношении совершенно правильна была постановка вопроса, данного тогда В. И. ЛЕНИНЫМ, что не надо особенно выпячивать этот вопрос)—и о боге, т. е. о духовенстве, после того, как масса выслушала столько обвинений против царского самодержавия, можно было уже говорить без протеста. Вообще, надо отметить, что тогда редко ставили вопрос об антирелигиозной пропаганде в такой форме, как сейчас. Поэтому члены партии совершали рели-

гиозные обряды, не порывали с церковью, и на это мало кто обращал внимание. Приведу один особенно яркий пример. В качестве пропагандиста и агитатора довольно часто выступал тов. Соколов, студент Демидовского Лицея. Он жил в Спасском монастыре, где ему и брату его—семинаристу, тоже члену нашей партии, организатору ученических кружков („Союз молодежи") отведены были две монашеские кельи, рядом с другими монахами: За это он пел в архиерейском церковном хоре. Таким образом, даже оффициальное участие в богослужении не ставилось в вину тогда. Я несколько раз ночевал в Спасском монастыре, так как у меня не было постоянного пристанища: странно было мне, когда привратник отворял ворота и кланялся и крестился. Впрочем, я должен сказать, что мы вовсе не вели там затворнический образ жизни, и у тов. Соколова в монастырской келье было очень весело. В келье стояло пианино, не обходилось иногда и без легонького возлияния, заглядывали и веселые братья-монахи, которые вовсе не избегали мирских соблазнов: монастырь для них был только ширмой паразитарного существования...

Товарищи вскоре должны были убедиться в очень быстром росте политического сознания рабочих масс. И я помню, как один пожилой рабочий, который перед моим выступлением защищал царя, в частной беседе со мною, здесь на собрании, в каком то иступлении требовал: „Так их! Говори про всех: про царей, про митрополитов говори, про хозяев!..." Всего чаще в малосознательной массе говорили вначале: „только не задевайте политики". А когда узнали, что выяснить истинных виновников бедствий и страданий рабочего класса и крестьянства--это и значит--говорить о политике—уже не боялись, не предупреждали и слушали, затаив дыхание...

Настя.

Забастовка на (Корзинкинской) Большой Ярославской Мануфактуре отразилась на настроении огромного района. Это был период огромной агитационно-пропагандистской и организационной работы, проделанной нашей партией в Ярославской губернии. Забастовка длилась больше двух месяцев прошла очень дружно и стройно. В стачечный комитет входила одна из работниц. Звали ее Настей. Для Насти, такой же работницы, как сотни и тысячи Ярославских ткачих, прядильщиц, банкоброшниц и пр. эта стачка была огромной школой классовой борьбы. Настя как-то одухотворилась, на лице ее появилось совершенно новое выражение. Помню, когда вопрос однажды зашел о выдаче пособий замужним женщинам и некоторые говорили: пусть их мужья кормят, Настя нашла подходящие слова и хорошие мысли, чтобы дать отпор бессознательному нехорошему, несправедливому отношению к работницам. Она выступила с резкой отповедью тем, кто неодинаким отношением к мужчине и женщине сам толкает девушку на путь

проституции, ставя ее в менее обезпеченное положение. Когда среди части женщин началось колебание (администрация все время агитировала за прекращение стачки), Настя как-то удивительно просто, задушевно сумела поднять настроение работниц. „Мы, женщины, матери, невесты, сестры, должны всеми силами помогать общему делу. Даже больше: если поколеблются наши мужья, женихи, братья, мы должны расшевелить их мужчинские сердца и укрепить их“. И надо сказать, что она, действительно, умела расшевелить и укрепить слабые—„мужчинские сердца“. Где-то теперь т. Настя?.

Агитация и пропаганда.

К этой забастовке чутко прислушивались рабочие и работницы всего района. Ежедневно, с утра и до вечера на фабрике, в помещении фабричного театра происходили общие собрания. Одни приходили — другие уходили. Часть рабочих и работниц раз‘ехались по окрестным деревням, по домам, но большая часть осталась. Вначале эти собрания были безсистемны, но потом они упорядочились. С утра, приблизительно, доклад стачечного комитета о ходе забастовки и решение вопросов, связанных с забастовкой; потом сообщение о последних событиях по России (по газетам). Материал всегда был очень живой, агитационный. А после выступал ряд ораторов: т. Данилов, Гриша Дон, доктор Плаксин (реже) Соколов и др. А вечером я вел почти ежедневно лекцию либо по истории революционного движения, либо о программе и тактике нашей партии. В эту работу я вкладывал много „души“ глубоко сошелся с рабочей массой. На собрания приходили и рабочие других фабрик и заводов. Меня знали чуть ли не все от мала до велика. Помню однажды городовой в вагоне трамвая обратился ко мне очень вежливо с вопросом: „Где вы сегодня произносите речь“. Я был несколько удивлен вопросом, но потом из разговора выяснил, что и городовые ходят слушать социалистов. В 1905—1906 г.г. были неоднократно случаи забастовок городовых.

Кроме собраний в театре происходили раз — два в неделю массовые собрания в манеже Фанагорийского полка, они имели огромное влияние тем более, что состав аудиторий был очень серый. Помню, раз выступал Гриша Дон с описанием условий работы на Смоляковской свинцово-белильной мануфактуре. Он говорил всегда очень горячо, с некоторым надрывом. Бывало, иногда так увлечется в горячности, что забудет начало фразы. И вот Гриша говорит: „Когда рабочие погибают от ядовитых газов, отравленные, а им жалеют даже полагающегося молока, когда они страдают от невыносимой обстановки, к ним приходят разные элементы,... приходят разные элементы „товарищи“. И вдруг кто-то громовым голосом закричал: „*Долой элементов*“. И несколько сот человек с воодушевлением кричали „долой элементов“.

Забастовка проституток.

Однажды на собрании выступили проститутки с заявлением, что они об'явили забастовку. Эти бесправные белые рабыни деклассированные, забитые существа пробовали в тот год, в ту осень подняться: они пред'явили свои требования хозяевам и хозяйкам, требования сводившиеся к ослаблению эксплоатации, к уничтожению кабалы, к улучшению особенно, исключительно позорного и тяжелого „правового положения“ этих рабынь.

Это выступление проституток было очень тягостным эпизодом, тягостным потому, что организация не могла ничего существенного для них сделать. Оно было проявлением величайших классовых противоречий: с самого дна, куда бросили женщину, поднялся ее протест. Но у этого протеста были очень слабые крылья; об'ективные условия не давали выхода из этого положения всем проституткам, партия не могла и не хотела развернуть серьезную работу на этой почве. Я в то время все же стоял на точке зрения более активного вмешательства в эту забастовку, организации помощи тем из них, кто мог бы бросить свое ремесло. Товарищи указывали на то, что мы не можем заняться организацией люмпен-пролетариата. Кончилась забастовка очень печально. Несколько дней проститутки держались, несмотря на страшную нужду, но потом против них организовались сутенеры, хозяева и хозяйки, и они, вместе с полицейскими, загнали снова в рабское ярмо, в скотское стойло этих восставших рабынь, уступив в пустяках, избив непокорных.

Эта забастовка дала все же возможность осветить положение женщины очень широко. Я уже упоминал, что и на Корзинкинской мануфактуре подымался этот вопрос в связи с выдачей пособий. Кто то предложил не выдавать пособий тем женщинам, которые имеют любовников. Я использовал это предложение, чтобы развить широкую работу по выяснению наших взглядов на положение женщины в капиталистическом обществе и решение его при социализме.

Социализм.

„Социализм“! Как далеки были от понимания этих мыслей Ярославские рабочие и работницы, когда я впервые заговорил с ними. А к концу, через два месяца, седой старик — ткач на огромном собрании, после лекции о социализме, говорил вдохновенно: „Ничего нам не надо, кроме социализма. Самое это лучшее дело — социализм. Ради социализма готов на смерть итти“. А когда, перед от'ездом из Ярославля на общегородской партийной конференции обсуждался вопрос о порядке дня предстоявшего с'езда или партконференции (в декабре думали собрать об'единенный с'езд меньшевиков и большевиков, но он не состоялся, а состоялась в начале декабря конференция большевиков в Там-

мерфорсе), мне дан был наказ отстаивать на конференции *организацию всемирной всеобщей забастовки,* то есть одновременной забастовки во всех странах с выставлением требований, подчеркивающих одинаковость интересов международного пролетариата: Так высоко поднималось классовое сознание рабочих масс в эти дни величайшего пробуждения. Я никогда не ограничивался одной агитацией очередных лозунгов политической борьбы, всегда освещал их основной целью, основной задачей. И в 1905 г. среди рабочих и работниц Ярославля много было сделано именно в этом смысле глубокой социалистической пропаганды. Мне с отдельными рабочими и работницами приходилось много говорить на тему о социализме.

Однажды в Корзинкинском театре на собрании выступил поп, который старался доказать, что социализм противоречит законам природы. „Посмотрите, говорил он, как растут травки в поле, цветочки, деревья: одни--повыше, другие пониже, одни--розовенькие, другие синенькие, третьи желтенькие. Так и люди. Они не могут быть равными. Разве они будут когда нибудь одинаково умными?“. Конечно, на такие поповские благоглупости не так уже трудно было ответить. Но интересно, как отвечают сами рабочие. Один из них говорил: „Вот я был садовником и сам насадил сад с яблоньками. Так у меня этого не было, чтобы одним яблонькам было хорошо, другим—плохо: всем было хорошо, потому, что я всех их в одинаковые условия поставил. И все росли и цвели ровно, потому что обо всех одинаковая была забота. Так и при социализме может быть, когда исчезнет неравенство социальных условий“. Так, приблизительно, отвечал попу корзинкинский рабочий.

Конец забастовки.

Я уехал из Ярославля в ноябре месяце. Забастовка все еще продолжалась, но очень много уже было признаков, что она не закончится полной победой рабочих. В самом стачечном комитете были товарищи, которые тянули к соглашению с хозяевами. В ту же сторону тянули и служащие. В результате грандиозной борьбы рабочие и работницы должны были согласиться стать на работу при несколько улучшенных условиях. Но дело не обошлось без жертв. Ярославль пережил новые кровавые столкновения в конце 1905 г. Но об этом пусть расскажут товарищи, которые в то время оставались в Ярославле.

Прошло 17 лет с тех пор. Так много за это время пережито нашей партией, всем рабочим классом, всей нашей страной, всем миром. Пишущему эти строки пришлось пережить потом и каторгу, и ссылку, и новые приливы движения и величайшие победы рабочего класса. Но на всем этом длинном пути пережитое в Ярославле

осенью 1905 г. кажется таким ярким, таким многозначительным. Глубочайшая борозда была проведена в эти дни и недели пробуждения рабочих масс, первых организованных, массовых схваток. Рабочий класс приобрел впервые навыки борьбы во всероссийском масштабе, научился ставить большие задачи, заложив основание массовых организаций партии, профсоюза, и приступил к организации Советов. Была попытка создания Совета рабочих депутатов и в Ярославле. Но она не имела еще тогда достаточного успеха и даже члены нашей партии подходили к ним осторожно...

Однажды в тюрьме, уже будучи осужденным на каторгу, я получил привет от Ярославских рабочих, а какой-то товарищ даже прислал денег. И я почувствовал, что связь между мною и Ярославскими товарищами — на всю жизнь. Этот привет был для меня радостным напоминанием, что там, за стеною тюрьмы, живут и борются люди, которым я в 1905 г. отдал свои лучшие мысли, „кровь и сок своих нервов“.

Ем. Ярославский.

Сибирь. Ст. Тайга.
2/II—1922 г.

Из революционного прошлого.

Тот момент, когда мне впервые пришлось близко познакомиться с революционными организациями существовавшими в Ярославле, относится к 1903 г., когда я работал учеником-наборщиком, издававшейся в то время газеты „Северный Край".

В это время в Ярославле уже существовала организация Социал-Демократической Рабочей партии, которая вела агитационную работу среди рабочих на фабриках и заводах, для чего были организованы кружки, которыми руководили профессионалы-пропагандисты.

Один из таких кружков был организован рабочим табачной фабрики „Феникс", ныне № 2, Антипычем, в котором меня пригласил участвовать один из участников кружка тов. Иванов. Здесь мне впервые пришлось узнать о целях и задачах партии. Квартира, где в первое время собирался кружок, находилась на углу Пошехонской и Романовской ул. в доме Николаева, в котором жили рабочие табачной фабрики В. Тихомиров, братья Неустроевы, Вихрев, Д. Жижин, являвшиеся в то же время участниками этого кружка. Принимая активное участие в работе этого кружка, я вполне усвоил те цели и задачи, которые он преследует и вскоре мне была дана самостоятельная работа в организации.

На одном из совещаний пропагандистов, на квартире А. Копыловой, мне было поручено приступить к организации кружка на спичечной фабрике, где я в то время работал.

Приступая к организации кружка, я старался привлечь к работе в нем более сознательную и революционную молодежь, из которых нужно отметить тов. Шаброва, Флягина, Струнина, Дедюкина, Маслова и Решетникова, вполне сознательно и дружно принявшихся за работу. Для работы в нашем кружке были комитетом организации выделены следующие пропагандисты: А. Копылова, Д. Розанов, Дмитрий Высокий, которые и вели работу. С первых же дней работа кружка шла вполне успешно и мы в продолжении сравнительно небольшого времени имели в своем кружке около 30-ти товарищей.

Для руководства дальнейшей работой на одном из собраний решено было выбрать фабрично-заводский комитет партии, в который были избраны следующие товарищи: Шабров, Струнин, Флягин, Дедюкин и я. Приступая к работе, комитет первым делом задался целью как можно теснее связаться с городским комитетом для того, чтобы иметь возможность, кроме той литературы, которая у

нас имелась, иметь и газеты, которые издавались Центральным комитетом заграницей, как-то журнал „Искры“ и другие.

Впоследствии, когда мы имели всегда достаточно литературы, но все таки нас еще не устраивало, мы решили создать свой гектограф, на котором можно было-бы перепечатывать более важные статьи из заграничных газет и выпускать таковые листовками, а также и написанные товарищами на темы переживаемого момента. Работа по созданию такого печатного станка поручена была одному из товарищей, который этот план выполнил и мы имели возможность печатать листовки и отчеты.

Работа, начатая с кружков, все более и более развивалась и нам пришлось задуматься над тем, чтобы приступить к более широким собраниям, на которые как можно больше привлечь рабочих. С этой целью городской комитет организации приступил к организации рефератов, массовок и конференций. Один из таких рефератов был прочитан Рожковым на тему „Аграрный вопрос“ в 1904 году в Полушкинской роще.

В это время все более и более росло революционное настроение рабочих, которое вылилось в открытый протест по поводу расстрела петроградских рабочих 9-го января 1905 г. На некоторых фабриках были попытки в знак солидарности с петроградскими рабочими устроить забастовки, но это не увенчалось успехом в виду того, что полицией был принят ряд мер, чтобы предупредить это.

Весной 1905 г. революционное движение снова начинает вырисовываться, но уже с наибольшим под‘емом и в средине лета вылилось в ряд экономических забастовок по фабрикам и заводам, руководителями которых являлись те товарищи, которые работали в кружках под общим руководством комитета организации.

В конце августа, когда была об‘явлена университетская автономия революционная работа приняла широкий массовый характер в виду того, что мы имели возможность для этой цели использовать актовый зал Демидовского лицея для собраний.

17-го октября 1905 г. в день об‘явления манифеста о „свободах“, мы в первый раз могли вполне легально созвать собрание в Демидовском лицее, на которое были приглашены рабочие со всех фабрик городского района и представители всех организаций, существовавших в то время. На этом первом легальном собрании председательствовал рабочий фабрики „Феникс“, ныне махорочная № 2, Ф. Антипыч, организатор первого рабочего кружка городского района.

На другой день после собрания было созвано совещание представителей от рабочих фабрик городского района под председательством тов. Е. Ярославского, только что прибывшего в Ярославль. На этом совещании было решено выделить комиссию в составе трех человек для посылки их в военно-инженерную дистанцию просить разрешения занять для собраний военный манеж в виду того, что зал лицея не вмещал всех желающих присут-

ствовать на них, да к тому же нас оттуда просили удалиться. Посланные товарищи после долгих споров в инженерной дистанции все-таки добились разрешения занять манеж, где за счет же дистанции была поставлена и трибуна. И манеж стал революционным очагом, в котором ежедневно происходили митинги, на которых всегда выступали тов. Е. Ярославский, Степанов, д-р Плаксин и др.

В то же самое время велась сильная агитация черносотенцами и тайной полицией, с призывами к рабочим избивать евреев и студентов, указывая, что данные свободы нужны только им, а не рабочим. Эта агитация на рабочих никакого влияния не имела и не была поддержана. Там, где она имела хорошую для себя почву, это среди босяцкого элемента, мелких торгашей и маклаков, из которых особенно выделялись братья Енды, а также среди всякого рода хулиганов.

Со стороны революционных организаций был принят ряд мер, чтобы предупредить ту катастрофу, которая надвигалась, но предотвратить не представлялось возможным в виду того, что на стороне погромщиков была полиция и казаки.

Погром начался с того, что начали громить сперва лавки на толкучем рынке, откуда перешли на те улицы, где жили евреи вплоть до рабочих кварталов, где эта публика избивала не только евреев, но и рабочих революционно настроенных, которые случайно попадались в это время. Один из таких случаев произошел на Духовской улице, где, после разгона демонстрации казаками, были схвачены корреспонденты „Северного Края“ Зезюлинский, Козлов и тов. Подвойский.

Но этот разгул продолжался недолго в виду того, что они этим погромом восстановили против себя не только рабочих, но и остальные слои населения.

Революционное движение росло с каждым днем и захватывало широкие слои рабочих; манеж, как магнит притягивал к себе все революционно мыслящее.

25 ноября, на митинге, происходившем в манеже, было постановлено примкнуть к всеобщей политической забастовке протеста против введения военного положения в Польше, на которую откликнулись рабочие всех фабрик и заводов.

Только что закончилась эта забастовка, как снова была об'явлена другая 5 декабря в знак протеста по поводу ареста Петроградского Совета Рабочих Депутатов. Но на этот раз забастовка не имела таких размеров, как первая, в виду того, что некоторые фабрики и заводы не примкнули к ней.

В то же самое время на фабрике Большой Мануфактуры было арестовано несколько передовых рабочих, руководивших забастовкой, что вызвало негодование среди рабочих. После этих арестов на одном из митингов, в театре Большой Мануфактуры, с участием рабочих и других фабрик, было постановлено требовать освобождения арестованных, для чего 9-го декабря решили

устроить демонстрацию в городе, при чем было приступлено к организации боевой дружины на случай столкновения с полицией. Организаторами демонстрации являлись С.-Р. Хренкова и т. Подвойский. Рано утром 9-го декабря в театре было собрание, после которого было решено идти в город в двух направлениях. Большая часть должна была двигаться по Федоровской улице, где должны были присоединиться рабочие всего Закоторосльного района. Другая же группа должна была идти через плотину к спичечной фабрике и дальше к табачным фабрикам, где должны будут присоединиться рабочие таковых и направляться в центр города на соединение с рабочими Большой Мануфактуры.

После митинга рабочие выстроились и со знаменами и пением марсельезы тронулись в город, при чем во главе демонстрации находились дружинники.

По дороге к демонстрантам все время присоединялись рабочие других фабрик, мимо которых проходила демонстрация и уже прибыв в город она насчитывала несколько тысяч человек.

В это время около губернаторского дома уже стояли казаки и ожидали какого-то распоряжения. В тот момент, когда демонстрация подходила к зданию почты, из дома губернатора выскочил командир сотни, скомандовал на коней и казаки, через Ильинскую площадь, поскакали к памятнику Демидову, где и выстроились в боевом порядке. После чего послышалась команда горнисту играть сигнал, а после третьяго сигнала был открыт огонь по рабочим, откуда в ответ послышались тоже выстрелы. Вторичная команда была уже в атаку, после которой казаки понеслись к зданию почты и, врезавшись в толпу, пустили в ход нагайки, но были встречены выстрелами дружинников. Рабочие, под натиском казаков, бросились бежать по улицам, преследуемые казаками, которые продолжали бить нагайками. После того, как площадь была оставлена казаками, собралось несколько десятков рабочих, чтобы оказать помощь раненым товарищам и подобрать убитых, среди которых, как оказалось, были также и два казака.

Вторая группа рабочих, которая соединилась с рабочими спичечной фабрики, двигалась через Сенную Площадь по Мологской улице, где к ним примкнули рабочие фабрики „Феникс“ и направилась дальше, но на углу Мологской и Дворянской улиц была встречена сотней казаков. Под‘ехал к демонстрантам командир, который предложил разойтись, но рабочие продолжали двигаться, имея впереди два десятка дружинников. Видя, что рабочие не расходятся, командир приказал играть горнисту сигнал, предупредив, что после третьего сигнала откроет огонь. В это время среди рабочих произошло замешательство, которым казаки воспользовались, пустив в дело нагайки.

После этой демонстрации в городе начинает с каждым днем усиливаться агитация черносотенцев, во главе которых встает доктов Кацауров с целой шайкой хулиганов и маклаков с толкучеко рынка, которые усиленно принялись за эту агитацию и толку-

чий рынок превратился в место, откуда зараза распространялась по всему городу.

В этот момент комитет организации созывает общую городскую конференцию, на которой были поставлены вопросы о том, каким образом продолжать работу среди рабочих на фабриках, а также о предстоящем партийном с‘езде. Обсуждая вопрос о партийном с‘езде, конференция решила на этом же заседании избрать делегата, каковым и был избран тов. Е Ярославский.

Весной 1906 года по всем фабрикам и заводам можно было видеть целые отделения Союза Русского Народа, которые усердно принялись за борьбу с революционно настроенными рабочими, выкидывая их с фабрик, а если это не удавалось, то избиениями принуждая уйти, тем самым тормозили работу революционных кружков. Но несмотря на те гонения, которые обрушились на более сознательную часть рабочих, революционная работа все-таки продолжалась.

Осенью 1906 года была созвана общая городская конференция, на которой был избран новый комитет, в состав которой вошли: А. Копылова, Дегтева, Максим, Киселев и два товарища с Большой Мануфактуры, фамилии которых не помню.

Первое заседание нового комитета состоялось на квартире Дегтевой, на Никитской улице в доме Кремнева, на котором было решено наладить связь с фабриками, а таже воинскими частями гарнизона и повести снова работу в кружках. Организационная работа воинских частей поручена была мне, Киселеву, так как я к этому времени имел связь с Фапагорийским полком и благодаря этой связи мы имели возможность снабжать боевыми патронами для револьверов наших боевиков, а также и Костромской боевой центр, с которым я имел связь.

В это время работа снова начинает оживать и в кружках, особенно на свинцово-белильных заводах начинают выделяться тов.: Звездов, Ступников, Варакин и Тяпушкин, которые с жаром берутся за работу.

Этот период нужно отметить тем, что в первый раз подымается вопрос о создании легального союза рабочих, занятых в химической промышленности, так как уже союзы в некоторых городах существовали. Для этой цели было созвано совещание представителей от свинцово-белильных заводов, на котором и было поручено Звездову подготовить материал по редакции устава союза. Но нашей новой организации начать работу не удалось в виду, того, что устав союза не был утвержден губернским присутствием об обществах и союзах.

С 1908 г. по 1912 год революционная работа велась, но не имела таких широких размеров, как раньше в виду того, что полицейские условия были тяжелы и непредставлялось возможным расширить ее размеры.

В 1912 году, летом, снова начинается революционный под‘ем, который вылился в забастовках на некоторых фабриках.

Одной из крупных и продолжительных забастовок того времени была забастовка на спичечной фабрике, где рабочими были выставлены требования улучшения условий труда и повышения заработной платы. Забастовка проходила организованно и дружно в течении 3-х недель, и, несмотря на все старания полиции, сорвать таковую не удалось. Правление фабрики, видя такое положение, решило удовлетворить требования рабочих в половинном размере, но рабочие все-таки не согласились на это и забастовка продолжалась. К концу третьей недели часть рабочих, считавшая условия, предложенные правлением удовлетворительными, встала на работу и тем самым сорвала забастовку, которая проходила так дружно и организованно. Те тов., которые руководили забастовкой были уволены за это. Среди них находился и я. Но на другой же день, когда узнали об этом рабочие, фабрика была снова остановлена и рабочими было пред‘явлено требование о том, чтобы все уволенные были взяты обратно; на что правление согласилось.

Конец 1913 и начало 1914 годов в Ярославле прошли тихо вплоть до об‘явления империалистической войны, но я был уже в это время в армии и как реагировала на это организация, я не знаю.

Рабочий спичечной фабрики **И. Киселев.**

Революционная работа среди Ярославского гарнизона.

(Из воспоминаний).

За сравнительно короткое время своего существования в 1905 г. среди Ярославских Революционных организаций развил большую работу военный кружок, развившийся затем в военную организацию Ярославского Комитета Р. С. Д. Р. П. охватывавшую не только Ярославский Гарнизон, но и завязавшую связи с Ростовскими артиллеристами. К сожалению до сих пор ни в архивных материалах Ярославского революционного движения ни в воспоминаниях товарищей ничего, или почти ничего, не упоминается об этой организации.

Мне кажется, что этот пробел в истории революционного движения г. Ярославля необходимо пополнить. Может быть товарищи работавшие в военной организации с самого ее основания постараются дополнить мои воспоминания о работе этой организации, может быть мои воспоминания и страдают большими неточностями (оговорить это мне необходимо, т. к. до 1906 г. я в работах В. О. не принимал ни какого участия), но хотя слабый намек об этой организации необходимо дать.

Помнится какое громадное впечатление произвело в Ярославле появление на страницах „Северного Края" в конце октября, или начале ноября, 1905 г. писем солдат Фанагорийского полка, если не ошибаюсь, с протестом против назревавших в то время в Ярославле еврейских погромов. В этих письмах уже чувствовалось, что царская армия организуется как определенная сила на стороне революционного народа, чувствовалось уже влияние военной организации на армейцев. Насколько велико было это влияние, можно судить хотя бы по одному только факту появления в печати этих писем. Если и появились эти письма в дни так называемых „свобод", то надо, конечно, иметь в виду прежде всего, что свободы то эти были в кавычках, что в дни этих „свобод" достаточно свободно гуляла казацкая нагайка по спинам рабочих, а также нельзя забывать дисциплину в царской армии при которой солдат представлял из себя машину за которую думал и управлял которой офицер—дворянин.

К сожалению, как я уже упоминал выше, при возникновении военной организации и до ее первого разгрома (сентябрь—декабрь 1905 г.) я не принимал участия в работах организации, а это

был период ее действительно самой оживленной работы и потому относительно этой части работы военной организации мне приходится пользоваться лишь немногочисленными материалами, а также беседами с товарищаии, работавшими в организации.

В сентябре 1905 года в маленьком домике В. Лбовского в глухом переулке примыкающем к Никольским казармам, в которых был в то время расквартирован Фанагорийский полк, состоялось первое собрание организованного Ярославским Комитетом Р. С. Д. Р. П. Военного Кружка. Организатором Кружка был В. Лбовский, работавший тогда в экспедиции газеты „Северный Край". Квартира Лбовского стала и постоянным местом для собраний кружка, на этой квартире 11 декабря 1905 года и было арестовано собрание членов военной организации.

Первое время кружек этот состоял всего из 3—4 унтер-офицеров, но он чрезвычайно быстро разрастался, установил связи со всеми воинскими частями местного гарнизона и гарнизона г. Ростова, и наконец принял форму законченной военной организации.

В первичной ячейке организации работа началась чисто кружковая: на собрания кружка приходили партийные пропагандисты и проводили беседы. После небольшей подготовки членов кружка было решено, что каждый из членов кружка поведет беседы и будет читать газеты в казармах, в своей роте и тем самым организует около себя кружек; кроме того решением кружка каждый из членов кружка должен был завязать связи с теми ротами, которые не были представлены в кружке и с другими воинскими частями гарнизона. В результате через набольшей промежуток времени небольшой в начале кружек превратился в военную организацию, которая к декабрю 1905 года, кроме агитационно-пропагандистской работы, начала подготовку выступления Ярославского гарнизона и Ростовской артиллерии совместно с рабочими. Организация чувствовала себя уже настолько сильной, что не боялась, что солдаты не послушаются ее призыва.

Что бы оценить в достаточной степени эту работу проделанную организацией, вадо знать, что представляла из себя в царское время армия, что представляла из себя казарма. Это был изолированный от всего общества особый мир, воспитывавшийся на трех китах—царе, боге и внутреннем враге. Солдату вбивалось в голову и вбивалось достаточно успешно, что чуть ли не в каждом штатском человеке он должен видеть какое то ему чужое, враждебное существо; солдат почти совершенно не выпускался из казармы; солдатам воспрещено было посещать различные общественные места. Вот при таком то изолированном положении казармы—организация потратила только какие нибудь два месяца, что бы революционизировать эту казарму.

Правда, выступления Ярославского гарнизона не состоялось: Ярославская охранка „ликвидировала" военную организацию. 11-го декабря 1905 года должно было состояться собрание орга-

низационной группы для выработки плана подговки гарнизона к выступлению и по подготовке самого выступления. Но охранка дала этой группе только собраться на квартире Лбовского и арестовала ее. В организацию пробрались два провокатора— унтер-офицер Фанагорийского полка Марквард и ефрейтор того же полка Герзон, которые и выдали организацию.

11 декабря на квартире Лбовского было аростовано только около 10 человек. Конечно, это была далеко не вся организация, но несмотря на все старания охранки ей большего добиться не удалось. Были произведены повальные обыски в казармах среди солдат, но не дали никаких результатов. Провокаторам Герзону и Маркварду удалось прощупать только головку организации, но этим не разрушилась окончательно вся организация, а лишь нанесен был большой удар революционной работе среди солдат и после этого уже стройной организации создать не удалось, но с организовались отдельные кружки, где велась пропагандистская работа и распространялась в армии революционная литература.

Необходимо отметить, что главной причиной того, что провокаторам не удалось прощупать всей организации—явилась ее законспирированность. Организация была построена так, что член какого нибудь ротного кружка знал только членов своего кружка; головка организации состояла из представителей ротных кружков, которые также не знали никого из членов кружков других рот. Такое построение организации дало возможность Маркварду и Герзону узнать только головку организации и это же дало возможность после „ликвидации" охранкой организации быстро наладить связи с полком.

Уже в первых числах января 1906 года Ярославское охранное отделение отмечает собрания солдат на Цыганской улице быстро охранным отделением ликвидированные. Но и эта ликвидация не убила окончательно революционную работу Ярославского гарнизона. Тут охранка, не пошедшая дальше подсылки правокаторов, показала насколько она не приспособлена для борьбы с революционным движением.

Несмотря на такой грандиозный провал для молодой военной организации, как арест 11 декабря, я весной 1906 года застал, в том же доме Лбовского начинающуюся вновь развертываться революционную работу среди гарнизона. На этот раз работу вели С. Лбовский (теперь уже умерший) и Е. Беляков (белый) — партийный работник с большим стажем, которого я, к сожалению, совершенно потерял из виду. К этим товарищам примкнул и я, ведя в начале работу по поручениям чисто технического характера (переправа и хранение литературы нелегальной, закупка легальной литературы, держание связи с отдельными солдатами и т. д.).

Мне было тогда 18 лет, С. Лбовский был старше меня года на полтора и Е. Белякову лет 25—26, и конечно, большим опытом в работе, кроме Белякова, не обладали.

Старались мы развернуть работу до масштаба, который был бы нам под силу, не задаваясь какими нибудь грандиозными мечтами: распространяли нелегальную и легальную литературу, соорганизовали один—два солдатских кружка, в которых вел пропагандистскую работу Е. Беляков, и пожалуй дальше не пошли. Связь с Ярославским комитетом РСДРП держали Лбовский и Беляков.

Не оставила нас, конечно, без своего попечения и Ярославская охранка — шпики все увеличивали и увеличивали за нами слежку. За каждым из нас шпики ходили, что называется, по пятам. Но слежка велась так неумело, что мы каждого, из следивших за нами шпиков прекрасно знали в лицо. Для иллюстрации того, насколько нелепо и неумело была поставлена за нами слежка, приведу следующий случай:

Сидели как-то мы у Лбовского втроем, я, Лбовский и Беляков и не то кого то из солдат дожидались, не то собирались идти на свидание с солдатами. Одним словом нам нужно было, что бы дорога к дому была чиста от шпиков. Между прочим к нам приходит еще один товарищ и шутя замечает:

— Не нужно было и в квартиру входить, что бы узнать, что у Лбовского сидят Малинин и Беляков, — об этом красноречиво свидетельствуют расположившиеся недалеко от дома, пришедшие за ними шпики. Что бы шпикам не скучно было я к ним привел еще одного ихнего товарища.

И рассказал нам в каких местах шпики расположились. Понятно, что нам такая „почетная" охрана была очень и очень неприятна. Нужно было как-нибудь избавиться от шпиков. И мы надумали. Лбовский взял альбом для рисования и карандаш и мы вышли на улицу. Я набрал в карман камней и мы двинулись к месту, где укрылся один из шпиков. Я начал бросать камни туда, где спрятался шпик и как только ему моя бомбардировка не понравилась и он выглянул, Лбовский сделал вид, что он его зарисовывает. Шпику это еще больше не понравилось и он удрал. Со вторым шпиком мы проделали такую же историю, а третий не дождавшись производства и над ним такого же опыта, добровольно покинул свой пост. Убедившись, что прилегающая к дому местность окончательно очищена от шпиков, мы вернулись в квартиру, освободив себя на несколько часов от наблюдения со стороны шпиков

Такого рода слежка только прибавила нам бодрости и мы дошли до такого нахальства, (конечно, с точки зрения охранки), что в том самом доме Лбовского, за которым велось постоянное наблюдение, устроили гектограф и стали на нем размножать прокламации для солдат. Организация более совершенной техники, нам была не под силу.

Так мы продолжали работу до самой осени. Я почти ежедневно закупал для солдат по нескольку штук наиболее левых столичных газет и приносил их к Лбовскому, где мы вкладывали в них нелегальную литературу и направляли в казарму.

Начал несколько расширяться и масштаб нашей работы. Мне удалось завязать связи с командой воинского начальника, куда я начал направлять литературу; стал знакомиться с командой, что бы подобрать подходящую публику в кружок (небольшой кружок, человек в 7—10 мне в результате и удалось там организовать).

К осени охранка уже перестала ограничиваться одним только наблюдением за нами. Время от времени то днем, то ночью у Лбовского стали производиться обыски (ни меня, ни Белякова пока что не трогали) каждый раз безрезультатные. За сравнительно короткое время были произведены кажется 3 обыска.

Такая активность охранки заставила нас сократить и так небольшую работу. Наконец, мы стали уже чувствовать, что дело начинает близиться к развязке. За квартирами Лбовского и Белякова наблюдение стало усиливаться. Шпики, уже не скрываясь совершенно, установили постоянное дежурство у этих квартир. Это показывало на твердое желание охранки ликвидировать нашу небольшую работу. Не имея никакого желания садиться в тюрьму Лбовский и Беляков уехали из Ярославля, оставив всю работу мне. Тут работа, само собой разумеется, еще более сузилась: остались, насколько мне помнится, всего только два кружка — один в Фанагорийском полку и другой в команде воинского начальника. Все труднее и труднее становилось устраивать собрание кружков и свидания с отдельными товарищами и несмотря на то, что я к тому времени имел много свободного времени („начальство“ само в этом отношении пошло мне навстречу, исключив меня из технического училища, где я до того времени учился), работа пошла с очень большими перебоями. У меня начала скапливаться нелегальная литература. Для того, что бы устроить обмен этой литературы, я решил завязать связь с Костромской военной организацией, для чего поехал в Кострому, захватив с собой часть имевшейся у меня литературы. Связь эту установить мне не удалось, т. к. кажется в Костроме в то время среди воинских частей не велось работы и я ограничился только тем, что оставил Костромским товарищам привезенную с собой литературу.

Несмотря на то, что я больше всего был связан с командой воинского начальника там как раз работа у меня шла всего хуже, т. к. состав команды в большинстве оказался буржуазным.

Летом 1907 года очередь дошла наконец и до меня. Я был, после произведенного у меня обыска, арестован. Продержали меня очень не долго, очевидно, потому, что при обыске нашли незначительное количество нелегальной литературы (по одному экземпляру). По освобождении я уехал из Ярославля, ожидая, что этим арестом дело не кончится и не ошибся, т. к. вскоре, после моего от‘езда у меня на квартире был опять произведен обыск. Арестован я вторично был только в феврале 1908 года и тотчас же отправлен в ссылку.

Так кончилась работа среди Ярославского гарнизона, начавшаяся в сентябре 1905 года, организацией военного кружка.

Велась ли какая-нибудь работа в войсках после этого в Ярославле сказать не могу, т. к. я после ссылки всякую связь с Ярославлем потерял.

Только 20 марта 1907 года выездная сессия Московской Судебной Палаты в Ярославле слушала дело арестованных 11 декабря 1905 года на квартире Лбовского. В качестве обвиняемых были привлечены: В. Лбовский, Ш. Рутштейн, солдаты Фанагорийского полка Т. Рудницкий, Я. Сивоконь, М. Фролов, ученики полковой музыкальной школы Д. Бузин и В. Кузьмин и служитель военного лазарета Г. Шевнин. До суда они все сидели в тюрьме и суд им еще дал от 1 года 6 мес. до 6 мес. крепости.

Д. Малинин.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ.

Годы ученичества.

Насколько мне память позволит я хочу охватить период почти за 20-ть лет. Я не приступаю прямо к изложению моего вступления в партию; я считаю, что необходимо описать период за три года до вступления в партию: 1902-1903-1904 г.г. и вот почему. В это время юношество искало путей, нужно сказать, очень мучительно. Безпросветная тьма давила нас: 12-ти часовой рабочий день, а под час и 16-ти часовой. И все-таки искали ощупью выхода.

Жил я тогда в Костроме на небольшой фабричке. Нас, мальчиков было человек 20. Ученье пять лет: общие нары; хозяева только давали стол; остальное свое. Среди нас, мальчиков, чисто случайно, образовалась небольшая группа, увлекшаяся чтением. Книги брали из библиотеки Островского. Конечно, читали безпорядочно, да и что можно было в то время читать? Хозяева наши, видя, что мальчики часто читают, (а нужно сказать, что чтение преследовалось. Поэтому читали украдкой и, чтобы хозяева не видали огня в спальной, мы тщательно занавешивали окна одеялами) нас накрывали неожиданными налетами. От господ-хозяев нам доставалось частенько. Кроме колотушек, нас оставляли недели на две без обеда и чаю, только выдавался черный хлеб, а воду пили без сахара. Хозяева были люди богомольные и, конечно, для спасения своей души, нас гоняли в церковь. Нашли регента, который составил из нас духовный хор. Нас принялись учить этой премудрости. И вот после 12-ти часового рабочего дня, мы еще часа два драли глотки. Это так нам надоело, что мы всеми мерами старались избавиться, путем даже лишней работы в мастерской.

Раз как-то летом, в 1902 г. в один из праздников, измученные пением и еще праздничной работой, (а работа эта заключалась в следующем: к нашей фабричке пристраивали новый трех-этажный корпус. Каждый праздник нас заставляли таскать кирпичи, тес, убирать мусор, носить землю на потолок третьего этажа) вечером, так как работали и по вечерам, кончивши работу, хозяева позволили нам лишний раз напиться чаю. Мы все сели пить чай. Чтобы облагодетельствовать нас за труды, хозяева, в награду нам, присылают один арбуз Это на 20-ть то человек. Федя Московский, который всех смелей был из нашей группы, подталкиваемый пролетарским инстинктом, воскликнул: „Ребята! Работать больше не будем над нами издеваются. В следующее

воскресенье с утра за ворота и, если хоть один останется, тот изменник“! Было страшно смотреть, как из раба просыпался пролетарий, который приковал нас одним взглядом и если бы он сказал: „Ребята! за мной,“ вряд ли кто остался бы на месте. В то же время он торжественно спускает с лестницы злополучный арбуз, который с треском вылетает на улицу и хозяин мог с терассы лицезреть, как его рабы выбрасывают подарок. Это первый протест, в котором я участвовал и переживал резкий перелом какой-то бодрости не сгибать голову, а выше поднимать.

На другой день Федя Московский подходит ко мне: „Знаешь что? у меня есть дело. Вот ты и еще Генадий Ромашев, давайте найдем место, где нас никто не видал бы“. Я предложил духовое отопление. Там есть борова, за которые мы и пролезем. Так и сделали. По окончании работ мы собрались. Федя достал чернил, бумаги и говорит: „Я думаю, что если мы опишем, как нас мучают и пошлем в газету, то наше положение облегчат. Поэтому вали, Костя, пиши-ты хорошо пишешь, складно“. Правда, я тогда ребятам часто читал вслух и вот, благодаря этому, я неожиданно превратился в литератора, если так можно выразиться. Мы втроем принялись за составление нашего письма. Полностью я уже не помню наше начало. А начало было таково:

„Дорогой Костромской листок! обрати внимание на мальчиков, работающих там-то и там-то“. Дальше следовало описание нашей жизни. А так как Федя и Геннадий мне подсказывали, то они мне напомнили и о том:—„А ты забыл, как Петрушку пороли на прошлой неделе.“ Следовало и это добавление. Мы старались нагромоздить все отрицательное, что мы юношеским умом сознавали. Наше письмо вышло довольно порядочным. Мы весь писчий лист исписали кругом. Когда закончили-прочитали, запечатали в канверт, но одно опустили из виду: не подписали своего имени. Мы не подписали не из боязни, а просто не знали, что нужно было подписаться и вот мы стали ждать в газете нашего письма. Сначала мы чувствовали себя соколами и заранее предвкушали радость. Но день за днем становились все мрачнее, ибо мы тратили пятаки, но нашего описания нет и нет. Бывало который нибудь обращался ко мне: „Что нет сегодня?“ Нет... И гасли наши надежды и юношеские мечты. И опять надежда на завтрашний день. Который нибудь высказывал предположение, что мол в газете разбирают. Разберут-пропечатают. Неделю мы питали себя надеждой. Но я должен сказать, что положение наше все-таки стало улучшаться. Пришли какие-то господа: осматривали постели, качали головами; что-то отмечали; хозяева вертелись около них, как волчки. Только и слышно было от них-устроим, переделаем. После этого посещения нам завели койки, одеяла, соломенные подушки и тюфяки. Однако только одно не улучшилось: попрежнему продолжалось избиение мальчиков. Кроме старшего мастера мальчиков били и подмастерья. Даже дворник и кучер могли дать любому из нас подзатыльник.

И если мальчик вздумал бы пожаловаться хозяину, то только получил бы добавление, т. е. второй раз подзатыльника. И единственная только группа, которую не трогали это были мальчики, уже кончавшие свой срок ученья. Их не били не потому, что истекал их срок ученья, а потому, что им было уже 19—20 лет и они имели порядочные кулаки, чтобы дать сдачу обижающим их. Раз произошел случай с Федей Московским, который уже доканчивал 4-й год ученья: когда старший мастер ударил его и хотел уже по всем правилам тузить, то Федя вырвался из рук и в свою очередь ударил мастера по щеке так, что пощечина раздалась по мастерской. Мигом все в мастерской приостановились и стали наблюдать. Я был вблизи от этого места. Работал Видел Федю. Это лицо было страшно, полное решимости пойти на все. И вот эти глаза смотрели в упор в глаза мастера. Одна минута... Мастер опомнился и крикнул во всю мастерскую: „Что сволочи не работаете"! Молотки застучали, как будто ничего не случилось. А случилось очень важное для нас, мальчиков. Мы видели, на примере Феди, что из забитого существа явился человек, который мог отстаивать свои права. Конечно, Федю Московского на другой день выгнали и он уехал в Москву. При прощании со мной и Ромашевым, он сказал; „Надо бороться до конца, иначе все погибнем". Этот умный даровитый юноша, как я слышал после, в Москве, за распространение прокламаций, был арестован и выслан и может быть в одиночной борьбе погиб, прокладывая дорогу другим. Мы долго толковали о нем и поступок его придавал нам мужества. Наш мастер и хозяева изменили тактику: били уже тихонько, не на виду у всех, а больше в конторе и, конечно, которых по слабее.

В то же время, среди мальчиков, которые были старше нас, стала развиваться сначала просто выпивка, а потом эта выпивка более и более увеличивалась и превратилась в пьянство. Когда же мальчики кончали ученье, то становились заправскими пьяницами. Самый выход из ученья обусловливался по традиции: кончивши ученье мальчик ставил угощенья своим мастерам, как бы платил за ученье. А потом и начиналось систематическое пьянство. Безпросветная темнота способствовала этому. Не избежал этой участи и я. Когда получил первое жалованье и ставил литки, то удивил своих учителей, ибо пьянство продолжалось два дня. За это я получил от хозяев предупреждение, что если повторится, то мол вылетишь. Так бы, пожалуй, и продолжалось, если бы внешние события не влияли на нас.

1904 г. это начало рабочего движения. В Костроме, были уже стачки. На фабриках говорили, что какие-то люди подбивают рабочих на бунты. Разговоров, в то время, очень много было о том, что мол появились внутренние враги, которые хотят Россию продать. Мы, молодые рабочие, чувствовали что что-то не так, но нам очень хотелось посмотреть на этих внутренних врагов. Как-то раз мы шли с работы на обед: я, Геннадий Ромашев и

Алексей Мокров и увидали следующую картину: два жандарма с шашками на голо, вели девушку по направлению к тюрьме. Мы остановились. Конечно, наши сочувствия были на стороне девушки. Но все-таки мы были разочарованы, прежде всего потому, что мы думали, что внутренние враги—это люди в красных рубахах, большие, и вдруг—девушка. Конечно, мы не знали какая сила была у этих девушек. Распространился слух, что ее поймали где-то под мостом во время приготовления бомб для взрыва чуть ли не всего города. Какие бы слухи не носились, мы, молодые рабочие, чувствовали что это не так. Как то я шел на работу, и на одном окне нашел свернутую бумажку, развернул ее и только успел заглянуть, как мне бросилось в глаза: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь". Быстро спрятав в карман эту бумажку, я побежал в мастерскую. Вызвал Геннадия и Мокрова и сказал им: „Пойдемте куда нибудь в укромное место, я там вам кое что скажу". Видя меня очень взволнованным Геннадий сказал: „Ты что, деньги чтоли нашел". Мое настроение быстро перешло и к ним. Приняв все меры предосторожности, я вытащил из кармана прокламацию и читаю: „Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия"... В этой прокламации описывалась наша жизнь, как нас эксплуатируют; ведут войну, царь и генералы воруют и что рабочие представляют пушечное мясо. И в конце: „Довольно, товарищи-рабочие терпеть. Организуйтесь под знаменем Р.С.Д.Р.П. Только она может нас избавить от нищеты и каторжного труда. Долой самодержавие. Долой войну. Да здравствует Социализм. Костромской Комитет Р.С.Д Р.П."

Когда я кончил читать, мы некоторое время были втупике. Мы переживали и сомнения, и надежды. Нам непонятно было многое, многие слова первый раз слышали, как например: „Пролетарии всех стран соединяйтесь". Социализм. Царь, который еще в наших темных головах считался непогрешимым, и вдруг кровопийца. Мы уже хотели приступить к уничтожению этой прокламации, но увидев внизу слова: „товарищ рабочий, прочти и дай другому". Ромашев предложил повесить ее, говоря, что может эти люди действительно хотят нам добра, а если же нет, то не беда—пусть прочитают. И вот Ромашев, в коридоре отхожего места, повесил на стену найденную нами прокламацию. Прошел час—другой—работа протекала нормально. Мы осторожно наблюдали. Как и везде, в то время, у нас велись, так называемые, языки—любимцы хозяев. Таким любимцем был у нас Эмальев. Его мы все ненавидели и при случае устраивали ему темную. Вот этот-то тип подошел к старшему мастеру, шепнул ему что-то и они оба пошли в тот коридор, где висела прокламация. И вот вылетает мастер, держа в руке прокламацию. У этого господина от страха, видимо, отнялся язык. Быстро одевшись, он бежал за ворота. Признаться сказать, мы трое порядком струхнули и соображали, что сейчас придет целая рота солдат. Конечно, никто не пришел, но мастер успокоился, стал подходить к отдельным

рабочим с такими словами, как будто он сам и печатал эту прокламацию. Трое мы не выдали тайны, а остальные не знали. На другой день мы поняли, что ночью здесь были гости, ибо все наши ящики были перерыты. Мальчики говорили, что жандармы и у них в сундуках перерыли. Тем дело и кончилось. Но не кончилось только у нас троих.

Пользуясь каждой минутой (а мы и на квартире жили вместе), мы долгое время решали этот вопрос. Правда, жизнь давила нас. Каждую получку мы только пили, пропивая скудные заработки. Напрасно искали мы ответов. Один раз мы сидели в пивной. Напротив нас сидела компания человек в восемь из техников среднего Костромского Технического училища. Мы попивали пиво и прислушивались к их разговору. Когда мы услышали слово—Социализм и ряд других слов, которые мы читали в прокламации, мы поняли, что у них можно кое-что узнать, получить ответы. Но как познакомиться, не возбуждая подозрения? Случай выручил нас.—Один из них громко сказал: „Вон рабочие сидят. Давай спросим их". И, подойдя к нам, спросили: „Можно с вами поговорить".—„Пожалуйста, садитесь".—„Сколько вы работаете время".—11½ часов, а когда нужно подработать еще 3 часа работаем". Дальше и Дальше... Познакомились... Вместе сели за один стол. Один товарищ интересовался нашими руками.—„Вот—говорит: этими руками создаются реальные продукты, а мы, милое общество, пожираем их". Потом обращаясь к нам:—„позвольте пожать ваши руки".—„Пожалуйста". И мы невольно стали смотреть на свои руки, как на что-то необыкновенное, хотя они только были порядочно грязны и покрыты мозолями. Мы дивились потом, чего они могли найти удивительного в наших руках... Мы разсказывали им про свою жизнь, как работаем, как время проводим.—„Хотите идти с нами на квартиру". Мы согласились. У нас троих было желание узнать больше, но увы, не получили удовлетворения. Когда пришли на квартиру, сначала опять стали пить, потом запели: „Отречемся от старого мира". Песню мы слушали зачарованные. Спели „Варшавянку"; пустились в разговоры и, видя, что многое мы не понимаем, наши товарищи стали относиться к нам небрежно. Мы им, видимо, надоели. Пустились между собой в споры... горячились. Один доказывал, что ни черта не выйдет, рабочие темны у нас. Другой приводил Маркса,—что рабочие способны организоваться, лишь только партии нужно повести их. Третий говорил, что ни черта ваши партии не сделают. А мы, анархисты, говорим, что все надо разрушить. Мы ничего не понимали. Слова сыпались. Маркс, Энгельс, Анархия и проч. Мы тогда, как молодые рабочие, этих слов не понимали. Тут мы слышали много планов, как спасти народ, и чувствовали, что эти люди еще сами ищут, мечутся в жизни.

Только один мало принимал участия в их споре, а больше поглядывал на нас. И, видя, что мы раздумываем, он подошел к нам. — „Вы, товарищи, не обращайте внимания на их. Каждый

раз так бывает с ними. Все это еще от молодости. А вот кончат университет, поступят на места, тогда забудут юношеские споры". — „Но вы ведь, товарищ, также поступите?" — „В том-то и дело не так. Я хотя и учусь в Техническом, но я сын рабочего, живу на фабрике, летом работаю, зимой учусь. А так как меня только терпят в училище пока, то, вероятно, скоро вытурят". Долго мы с ним беседовали. Я, говорит: — „премудростей не буду вам говорить; у меня и отец говорит: ты—говорит: с книжной премудростью к рабочим не лезь, а раньше у себя в голове разбери, что к чему, да уж и рабочим выкладывай. Вот и вам посоветую больше читать, учиться, без этой штуки-науки — трудно вам будет. Я вам книжечек принесу. Не суйтесь сразу в партию. Их много. Все хотят добра, да по разному. Поразмыслите — какая вашим интересам отвечает. А то вот слышали анархия — разрушить надо, а вот спроси этого разрушителя, как выделывается вот эта рубашка, которая на нем — этот разрушитель и не знает. Он знает, что где-то на фабрике ткут, а сколько рабочего пота пролито за ее работой, он не ответит. Все это, друзья мои, брехня. Никто вам жизнь не улучшит, кроме вас самих".

На этом наша беседа кончилась; мы стали собираться домой. Когда мы вышли на улицу, на нас пахнуло осенним холодным воздухом. Я лично не очень остался доволен этой беседой, да и мои два товарища также. Долго мы шли молча; каждый по своему разбирал все слышанное. Ромашев очнулся: „Ни черта не пойму. Вот только беседа с товарищем говорит, что где то есть хорошее".

А хорошее уже надвигалось на нас. Это 9 января.

9-го января, было для нас, молодых рабочих, поворотным пунктом в нашем сознании. Если до 9-го января еще мы думали и верили даже, что мол царь окружен плохими слугами и что не он так плохо правит, а министры, а до его не доходят жалобы рабочего народа на свою тяжелую жизнь, то после расстрела петроградских рабочих, темнота наша стала проясняться, завеса спала с наших глаз, и когда мы собирались и читали газеты, хотя буржуазные, которые мягко выкладывали о происшедшем, то один пожилой рабочий сказал:

— „Все они и царь, и министры, и наши хозяева—одного поля ягоды. Захотелось дать остраску, вот и пролили кровь и чтобы мы, рабочие, не вздумали свои права заявлять. Поняли? А теперь айда в трактир — помянем убиенных, как следует. Не все еще потеряно, есть еще водочка — наша радость и утешение. Ну, ребята, шевелись. Много головы не ломайте понапрасну, потому что бьют нас мало, а вот почаще, вот этак лупить будут поумнеем и право свое найдем".

Этот рабочий по прозванию „топор", много видавший, ибо исколесил всю Россию, пивший по неделям, в это время разносит все в пух и прах и власть, и бога; нам даже страшно было. Хозяева и старший мастер боялись его, и если не гнали, то только

потому, что был хороший орнаментист-художник, лучше его никто не работал, а работа чуть не даром. Он, обладав большой физической силой, был большим заступником за мальчиков. Работал он у нас недавно — но мы, молодежь, очень привязались к нему, в особенности после одного случая с Эмольером, который колотил мальчика.

Дело было в кузнице, „Топор" как-раз пришел во время экзекуции. Увидя, что мальчика бьют, „Топор" бросил вещи, которые нес и не успели мы опомниться, как Эмольер болтал в воздухе ногами и в следующую минуту он уже был в чану с раствором купоросного масла с водой, где мы обычно отделяли медь и серебро. Он только проговорил: „Если еще раз, сукин сын, я увижу, что ты мальчиков бьешь — сожгу на горне". А так как мы все ненавидели за кляузы Эмольера, то хохотали от всей души.

Другой случай был с самим старшим мастером, который тоже было занес руку над мальчиком и здесь „Топор" схватил мастера за руку и только сказал: „Не трогай". И потому, как было произнесено это слово, мастер плюнул и ушел. Мы все думали, что за эту дерзость его прогонят, но нет — слишком был ценен работник.

Мальчики души в нем не чаяли, каждый готов был для Ивана Устиныча все сделать. Вот с этим-то человеком мы подружились. Часто собирались и в чайной, и трактире; это были интересные беседы. Он умел рассказывать, так как очень много видел и жизнь знал вдоль и поперек. Мы ему рассказали и про наше письмо, и о прокламации.

— „Письмо вы писали хорошо, а вот не подписались плохо. Нужно было указать адрес, ваши имена и фамилии. Только от таких писем мало толку. Сколько бы вы не писали, все равно изменить этим способом жизнь не удастся. Единственное средство — это выгнать всех хозяев и жизнь строить по рабочему, но это длинная песня. Еще мало бьют нас, а вот как почаще будут пускать кровь, тогда научимся как бороться. И прокламации вещь хорошая — уничтожать их не надо, хотя и разные люди пишут, но все хотят добра. Видал я много таких людей, да не сошелся я с ними: куда мне, испорчен я вот этим зельем. А только скажу: не всем верьте; есть и такие, которые говорят очень хорошо, а потом бегут в участок — я вот на Урале задушил такого. Ищите правду, а главное жизнь любите. Боритесь. Ничего, что вы сегодня не попадете в партию; в партию вступить, надо приготовить себя, надо расчитать, какое место можешь занимать; ей ведь нужны работники; а главное, надо перестать водку пить; такой туда не годится, там большое дело делается и большие люди делают, но и маленьким людям дела хватит. Две у нас партии — Социалистическая это — рабочая партия и еще — Крестьянская. В крестьянской вам, рабочим, нечего делать и коль скоро сознаете, уйдете оттуда все равно, а потому и не советую утруждать себя".

Вот за такими беседами протекало наше время после 9-го января. Ум наш искал выхода. Я и Ромашев частенько задумывались над своим положением — что будет? Тогда я высказал предположение, что нужно отсюда тронуться искать правды; и однажды высказал Ивану Устиныч свое желание уехать из Костромы.

— „Дело задумал, малый, посмотри как на больших заводах работают. Конечно, правды ты не найдешь, но опыт и знание приобретешь, увидишь жизнь голою. Хорошее воспринимай, а худое выкидывай, учись бороться. Когда думаешь ехать?“

— „Завтра заявлю увольнение“.

— „Молодец, будь тверд в своем решении“.

На следующий день я обратился к мастеру с предложением выдать мне расчет.

Мои скитания.

Через несколько дней меня пошли провожать мои друзья. При прощании крепко расцеловались... и я в вагоне. Звонок и поезд тронулся, унося меня в Москву.

В то время, в связи с войной, был промышленный кризис и я в первый раз познакомился с безработицей. Исходил я Москву вдоль и поперек в поисках работы. Кому я только не предлагал свой труд, но неизменно получал ответ: — „своих увольняем“. А увольняли с заводов и фабрик сотнями всяких специальностей. Эти безработные, как и я, ходили в чайные, харчевни и те, кто еще сегодня работал, часто делились скудным обедом с товарищем безработным. Наконец, нас не особенно охотно стали пускать уже и в чайные: ведь мы не всегда имели пятачек, чтобы заплатить за чай. В особенности было ловко поставлено, в так называемых, домах трезвости. Чтобы попасть в чайную, вы должны были купить марку или за чай, или за обед и только тогда вас пускали туда. И как мы, продрогшие, голодные, проклинали этот образцовый порядок, с чистыми передниками барышен прислуживающих! Невольно установилась связь безработных с работающими путем помощи. Каждый почти работающий делился с товарищем безработным. А нужно сказать, если одних выгнали на улицу, то у других сильно урезали заработную плату, которая доходила до 40 коп. в день. Ясно, что помощь нам оказывали, отрывая от своего куска. За невзнос платы за койку, я лишился и ночлега. Так как все свои пожитки я уже спустил и весь багаж имелся на мне, то квартирная хозяйка, полагая, что от меня проку не будет, на мою койку пустила другого, не считая нужным даже предупредить меня, хотя у меня до сроку и оставалось дня два. Я вступился с хозяйкой в пререкание, но она прямо заявила, что у меня нет ничего, и заплатить я не в состоянии. Когда я доказывал, что я завтра получу работу, то ответ был таков, что — это на воде вилами писано.

Из затруднения выручил претендент на мою койку, который предложил иметь койку вдвоем. Так я оказался обладателем половины койки. Мой новый знакомый — почти моих лет, малый добрый, узнав, что я в этот день еще ничего не ел, он пригласил итти чай пить. Звали его Андреем. Он работал у Гужона и говорил, что каждое утро ждет расчета, ибо каждый день увольняют. Через некоторое время действительно Андрея уволили и вот мы заключили условие, что если который из нас поступит, то должен содержать другого.

Проболтавшись еще неделю, решили выехать из Москвы. Пришли на Курский вокзал, забрались в пустой ледник и на утро очутились в Туле, где мы так-же, кроме обещаний, ничего не нашли. В то время тянулись эшелоны солдат — их гнали на Дальний Восток, они нас посадили в вагон и обедом угостили, но доехать только пришлось до Маршанска, где по проверке нас высадили и хотели даже отправить на предмет выяснения нашей личности и не являемся-ли мы шпионами Японского штаба, но мы удрали. Походивши по Маршанску и расколов сажень дров за 20 копеек — это наш первый общий заработок, решили ехать дальше.

Забираемся в пустой вагон сборного поезда, на каждой остановке боимся кашлянуть, чтобы не выдать себя. Так мы доехали до Кузнецка с остановкой на одной из станции, где наш вагон отцепили. В Кузнецке мы искали работы, но увы ее и там не было. У меня был серебряный крест на шее, у Андрея кошелек и гребенка. Реализировали это и выручили 40 коп. Капитал для нас большой — он давал нам возможность сегодня жить

Наконец мы разработали план как ехать дальше в Сызрань. Я предложил ехать с почтовым; для этого нужно забраться под лавочку, рассесться в разные вагоны, причем который из нас приедет первый, то он должен встретить товарища, дежуря у звонка. Мне повезло — я спокойно доехал до Сызрани, а Андрея сняли с поезда и отправили к жандарму и он уже приехал на другой день В Сызрани я обменял ватное пальто на летнее (был уже март месяц) и получил придачи 4 рубля. Решив на этот капитал отдохнуть, мы нашли хороший ночлег за 10 копеек—спать на койке. Мой Андрей соскучился по Москве и дальше категорически отказался ехать и просил меня проводить его. Наш план был таков: у пассажирских вагонов есть под вагонами ящик, где можно человеку лечь; выбрали удобный момент и Андрей был в ящике. Поезд тронулся.

Я остался один и твердо решил ехать до Самары. В Самаре я ходил дней пять — все искал работы; последние деньги проел. И вот без какой-либо надежды я зашел к одному мелкому хозяйчику на Соборной улице, который дал мне работы, но тут-же оговорил, что он может дать только 50 копеек в день без квартиры и обеда и только хозяйский чай. У этого хозяина не знаю какие существовали рабочие часы; я должен был приходить к

7 часам утра, а кончали когда скажут: в 8, 9 и 10 часов; деньги платил скверно, с трудом приходилось выпрашивать 20 копеек ежедневно, на каковые я должен пообедать и заплатить за ночлег. Проработавши до Пасхи, решил уйти и ушел с большим скандалом. Походивши дня два без цели по Самаре, вращаясь больше на станции, я слышал на вокзале, что в Сибири хорошие заработки и решил с каким-нибудь воинским эшелоном двинуться.

С большим трудом мне удалось попасть в воинский поезд и с ним доехать до Ново-Николаевска. Добравшись до Ново-Николаевска, я был разочарован. Работы хотя и находил, но дешево платили. Проболтавшись недели две, решил двинуться назад, но как — денег нет?

Я воспользовался тем способом, каким уехал Андрей; купил хлеба, забрался в ящик, но от'ехать мне удалось только 60 верст; во время остановки на раз'езде я вздумал покурить и вот, видимо, запах табака долетел до сидевших в вагоне, сказано было кондуктору и меня вытащили из ящика. Дальше я ехал уже в порожняке, кое где подрабатывая.

Это мое путешествие ни чем не отличается от предыдущего. Много, конечно, людей видел; все почти проклинали жизнь, в поисках работы.

Таким образом, в начале мая добрался я до Нижнего. Не найдя ни какой работы я принужден был ночевать в ночлежном доме.

Интересно отметить, как „благотворительствовала" буржуазия в ночлежных домах бездомным голодным людям.

Я попал во второй этаж ночлежного дома. В каждом этаже по два дядьки, у которых в руках было по ременной плетке. Спать никто не имел права ложиться пока колокол не ударит на молитву. Молитва пелась вслух. Каждый этаж пел отдельно. И вот голодная толпа орала осипшими голосами в течении полчаса. Молитва кончилась — раздался зычный голос дядьки — „по местам" и все как стадо шарахнулись на нары. Мне не досталось места на нарах и пришлось лечь на полу. Оказывается и там места были забронированы и если новичек посмел-бы лечь на нары его немедленно бы выкинули. На другой день я явился к одному мелкому хозяину и у него нашел работу.

В Нижнем я застал еврейский погром — это было 9 июля. Была устроена демонстрация на Островской площади, с этого и началось: толпы народа били стекла, ломали вывески; на том дворе, где была наша мастерская жили портные-евреи, но мы не дали их громить. Рабочие — столяры и кровельщики сами вступили в драку и банду прогнали. На другой день приехали Сормовцы и погром прекратился. Во время погрома был убит один товарищ социал-демократ.

Этот погром большой переворот сделал в моих мозгах. Я почувствовал, что борьба уже идет, надо мне приступить вплотную, но как найти людей, которые все отдают на борьбу с

самодержавием. Получивши письмо из Костромы, что там много работы я в конце августа месяца туда уехал.

В то время мы, рабочие, большие надежды возлагали на студентов. Студенты в наших глазах были борцы и мы внимательно следили за борьбой с правительством. Вот по этому самому мы в нашей рабочей среде говорили, что надо позвать студента, он нам расскажет.

Работа в партии.

Движение росло, фабрики в Костроме бастовали не один уже раз. И наша фабричка тоже бастовала еще до моего приезда, но неудачно. Неудовлетворенность рабочих осталась и мне ничего не стоило организовать небольшой кружок; оставалась найти студента, здесь я просто поступил: подошел на улице и прямо обратился с вопросом: „не можете-ли мне уделить несколько внимания" и получив удовлетворительный ответ, я изложил нашу просьбу. Студент сначала удивился и может подозревал, но искренность моих слов убедила его. Он дал нам адрес квартиры, куда мы и стали ходить. Я не буду говорить первое впечатление от беседы. Глотали слова лектора, ведь мы ничего подобного не слыхали. Наконец, подошло и 17 октября, в кружках уже тесно, начались митинги.

19 октября в общественном собрании, где социал-демократы устроили митинг, после митинга была запись в партию. Из нашего предприятия записалось трое: я, Ремашев и Мокров.

С этого началась моя работа в партии: распространял литературу в городском районе, собирал кружки, не только там, где я работал, но и других предприятий.

В то время организовался в фабричном районе Совет Рабочих Депутатов и от мелких предприятий я был членом. Собирались на фабрике Зотова под охраной дружины боевиков. На одном из собраний решался вопрос о политической стачке. Решено: провести трехдневную стачку, выпустить воззвание к рабочим, разбить город на районы; снять рабочих всех предприятий, снять приказчиков у торговцев, оставить работать только водопровод. На мою долю выпало снимать в магазинах гостинного ряда. Приходим в магазины и именем Совета Рабочих Депутатов требуем закрытия магазина. Даем сроку 5 минут, торговые служащие уходят. Город к 12 часам встал. После этой стачки наступавшая реакция давала себя чувствовать, ряд товарищей выхвачены, надо было думать о подполье. Все поняли, что надо вести кропотливую работу; надо иметь знание, иметь способность организоваться.

Новые работники готовились как в кружках, так и на массовках; работа шла невидная, но огромная.

Работником в городском районе была тов. Ольга (Бобровская), эта очень энергичная работница пользовалась большим авторитетом в городском районе.

В это-же время я начал подготовлять забастовку в своем предприятии, где я работал. У них, как я указывал выше, уже была стачка, но плохо организованная. Даже составленное требование не знали как подать хозяину, а положили на скамейку, которую и поставили у дверей конторы. Утром управляющий запнулся, отпирая контору, поднял лист бумаги и прочитал. Рабочие не работали дня два, а потом отдельными группами приступали к работе по старому. Поэтому, имея неудавшийся опыт стачки, сначала рабочие плохо верили, что можно улучшить свое положение. Организовав сначала молодежь, я принялся обрабатывать стариков. Прежде всего приступили к отчислению в стачечный фонд.

Таким образом, работа шла месяца два, но нужно было спешить, ибо дальнейшее мое пребывание в Костроме, как партийного работника, становилась небезопасным.

17 мая мы забастовали. Накануне сделали общее собрание, на котором выработали условия и выбрали двух уполномоченных вести переговоры с хозяевам. Были выбраны т. Дерябин и я. Утром мы явились в контору и подали наше требование; хозяева сначала опешили, заявили, что не знают, кто мы такие и грозились полицией. Но мы твердо заявили, что к работе не приступим и что мы только уполномочены вести с ними переговоры, а посему, если им угодно, то могут послать за нами.

Это было сказано твердо от имени уже организованных рабочих.

На другой день я получил приглашение явиться в контору. Все хозяева в сборэ. Повели длинную речь об убыточности предприятия. На наш вопрос — ознакомились-ли они с нашим требованием — получился ответ, что ознакомились и предложение созвать рабочих, с которыми они лично переговорят. Мы заявляем, что рабочие не желают собираться и уполномочили нас вести переговоры. Хозяева вскипели и мы ушли без результата. На третий день опять вызывают в контору, соглашаются на 11 часовой рабочий день и забастовку считать прогулом. Но мы знали, что самое главное требование, уплата за дни забастовки и поэтому категорически заявили, что за каждый день забастовки придется уплатить. Хозяева грозились полицией, жалобой губернатору, но мы твердо стояли на своем.

Наконец, на четвертый день стачка наша увенчалась успехом: мы победили. Рабочие очень довольны, да и окружающие мелкие предприятия тоже повели борьбу.

Недели через две мне был об'явлен расчет. Рабочие заволновались, хотели опять забастовать, но мое положение в Костроме уже было провалено, надо было убираться и Костромской Комитет был того же мнения. Успокоив рабочих и получив расчет, я, заручившись партийной явкой, отправился в Ярославль.

По приезде в Ярославль, я занялся партийной работой среди Волкушинских рабочих, где у меня был кружок. Мои слабые зна-

ния недавали возможности развернуть работу, да к тому же и связь с Комитетом была слабая. Поработавши немного, я получил поручение работать в Нерехте, главным образом, среди крестьян. Но работа среди крестьян меня не удовлетворяла и я поэтому работу больше развернул среди рабочих фабрики Дьяконова.

В конце августа я выехал в Москву, откуда я, Иорданский, Лебедев и еще два техника перевезли из Москвы во Владимир типографию, где я и остался работать, в мою обязанность входила крестьянская работа в уезде; конечно, я вел работу среди рабочих раскинутых фабрик по уезду.

Работа была трудна тем, что нужно было завести связь в деревне, найти тот элемент, который мог нам сочувствовать.

В одной из деревень Владимирской губернии меня арестовали и отправили во Владимир к уездному исправнику, который меня допросил и вечером с другими арестованными направил в тюрьму. Прежде всего привели в старую Владимирскую тюрьму, которая политических не принимала и потому оттуда направили в каторжную и там уже посадили в одиночку. Дело у меня оказалось не особенно большим, на допросах я отказывался отвечать на все вопросы, отделываясь незнанием. Поэтому судебного дела создать не удалось и я готовился к ссылке.

В мае 1907 года я был, наконец, отправлен в пределы Вологодской губернии. По приезде в Вологду я получил назначение в Великий Устюг.

В ссылке собрались люди разных политических направлений. Тут были и меньшевики, засевшие прямо за книги, эсеры — начавшие мечтать о терроре, да брюзжать и, наконец, анархисты, которые свою „свободную" личность видели в николаевской полубутылке, устраивали эксы на лавочников с выручкой в семь рублей и ужасно гордились своей „революционностью". Вся эта публика болтала ничего не делала и только мешала работать другим.

Одна группа только не забывала, что читать хорошо, изучать Маркса нужно, но нужно также и работать. Как бы город не мал был (в то время около 12.000 человек), все же в нем есть рабочие хотя и не крупных предприятий—значит работать нужно. Этой группой были большевики. Работа началась с организации кружков среди городских рабочих и учащихся местной гимназии, но затем обратили внимание и на фабрику Красавина, отстоящую от города в 25 верстах, где работало около 3.000 чел. Работу развертывали все шире и скоро почувствовали нужду в своей литературе. Пока выпускали листовки или от руки или на гектографе, но уже подумывали организовать свою типографию, которую комитет и поручил мне, как технику уже немного работавшему во Владимире, организовать. Нужно сказать, что в условиях уездного городка организация такого дела представляла большую трудность, но все же со шрифтом мы легко справились — наборщики снабдили нас достаточно и вся трудность была только в

устройстве станка, который пришлось мне делать в кустарной мастерской. Работа, конечно, затянулась, а листовки нужны были, что называется, до зарезу. Тогда я сговорился с одним товарищем и мы решили вдвоем занять типографию на одну ночь. Набор приготовил нам тов. наборщик и вечером мы вдвоем проникли в типографию, занавесили окна и приступили к печатанию и к шести часам утра напечатали 3.000 экземпляров, нагрузились, набор разсыпали и преспокойно ушли, а на следующую ночь мы уже работали по городу, расклеивая по стенам свежие прокламации. В течении всего следующего дня полиция счищала со стен наклеенные нами прокламации, а исправник и прокурор занялись розыском типографии. Пошли повальные обыски среди ссыльных, но безрезультатно. Наконец, после того как был готов станок, мы приступили к работе у меня в комнате (я тогда имел отдельную комнату на чердаке). Хозяйку-старушку сагитировали и она сочувственно относилась к нам. Условия благоприятствовали и я, наконец, приступил к верстанию первого номера газеты „Борьба". Комитет партии считал, что хотя листовки выпускать и хорошо, но солидное издание необходимо. Первый номер „Борьбы" у нас вышел в шесть страниц, размера немного меньше „Гудка". Первый номер мы выпустили в шестьсот экземпляров и уже приступили ко второму номеру. В это время, когда мы уже приступили к печатанию второго номера, эсеры устраивают экс на лавочника и берут семи рублевую выручку; экс, как водится, сопровождается бомбами. Вся эта история привела обывателей уездного города в ужас. Полиция принялась делать повальные обыски и, конечно, участников этого дела арестовала. В тот же день и к нам пожаловал городовой. Он уже поднимался по лестнице, как хозяйка его нагнала и схвативши городового снизу за шинель потащила вниз, говоря, что Курзин и Король (работавший со мной товарищ) ушли в булочную, что пол в комнате только что вымыт и он может натоптать. К нашему счастью городовой поверил и сказал, чтобы прислала Короля в полицию. А мы в это время стояли у дверей и готовились вступить с городовым в борьбу. Но хозяйка выручила нас и городовой ушел. Но все же нужно было быстро действовать, полиция могла опять придти, а куда вывозить всю нашу типографию. Опять хозяйка нас выручает. „Давайте, говорит, ко мне в подполье. У меня, у старухи, не будут искать". И через полчаса мы все спрятали и пол замыт.

После этого т. Король пошел в полицию, его допрашивали по поводу злосчастного экса, привлекая его как соучастника, но он сумел доказать вздорность этого обвинения. Этим все кончилось и мы опять приступили к работе. Выпускаем второй номер, печатаем листовки, работа идет полным ходом, но обыски идут усиленно. Типографию ищут усиленно и раз чуть было не кончилось провалом. Я нес править корректуру, которую обычно правил Дмитрий Розанов. Только я подошел к воротам дома, где жил Розанов и уже отворил калитку—как грозный окрик: „Куда

лезешь",—заставил меня повернуть обратно и нам самим пришлось править корректуру. Типография наша продолжала существовать и пожалуй о ее существовании многие узнали и только благодаря сплоченности организации не знала полиция. Тогда она поступила другим способом. Ряд товарищей из Устюга разослали по другим городам Вологодской губернии и наш Устюгский Комитет целиком почти был выслан. Остался я один, а я собирался в полет, т. е. предполагал свои силы применить на более широком поприще в промышленном центре.

Запасшись хорошим паспортом на имя Львова, я выехал в Кострому. Надо сказать, что летом 1908 года наша партийная организация буквально была разгромлена: ряд провалов, отход интеллигенции от работы и ликвидатарство—вот что я встретил по приезде в Кострому. Встретив на улице одного интеллигентного работника, я обратился к нему с вопросом: „Как наши дела"; ответ получился короткий и ясный:—„я теперь этими делами не интересуюсь", с указанием на тут же лежавшую книгу „Санин" Арцыбашева. Я понял, что мы стали чужими людьми.

Поехал в Москву искать связей и кое как раздобылся явкой. Москва направила меня в Ярославль с явкой в Пушкинскую библиотеку, где я встретил Александу Капитоновну, через которую имел связь с комитетом партии. Мне было поручено работать среди Волкушинских рабочих, но работа эта меня не удовлетворяла. Мне хотелось организовать нелегальную типографию, но Ярославский Комитет ответил, что нет средств на организацию своей типографии. Тогда я предложил выпустить газету в Устюгской типографии под названием: „Северный Рабочий", каковая и была выпущена в октябре или ноябре 1908 года и послана в двух почтовых посылках в Ярославль. В мае 1909 г. закончился срок моей ссылки.

В августе 1909 г. мне была поручена организация Московской типографии, но тут когда уже почти все было готово, случился провал и я остался с порванной связью. Возстанавливаю связь, но типографию ликвидирую. Наконец зимой 1910 года получаю предложение через тов. Бобровскую организовать областную типографию с выпуском газеты. Трудности встали очень большие—надо было достать не разбитый шрифт, удобную квартиру, а главное работников. Относительно шрифта я предложил перевезти Устюгскую типографию; предложение принято и в марте месяце я отправился в Устюг и с тов. Шумиловым перевезли типографию в Москву. Квартиры в Москве были не очень удобны по нашей работе и плате. Сначала я с женой поселился у Семеновской заставы, где работали кустари по выработке кукол. Квартира неудобная и работника ко мне все не посылали, а время шло. Тогда решили типографию перевести в Ярославль, что мной и было сделано. Поселился я на Большой Московской ул. д. № 50 и открыл мастерскую для отвода глаз. Привез из Костромы одного тов. Никанора Александрова, еще неопытного

в этом деле, а наборщика не было, областной комитет видимо тоже не мог достать. Некоторые статьи мной все же были набраны и нужно было достать еще материала. Жду приезда товарища, но вместо этого получаю письмо, говорящее о новом провале и о том, что надо подождать с работой. Ждем целый месяц, чтобы существовать, берем работу для мастерской, но перебиваемся, что называется, с хлеба на квас. Подождали еще и наконец бросили. Александров уехал в Шую, а я в Пермь.

Этим заканчивается моя активная работа в партии и с 1911 года началась жизнь лишь с небольшими перерывами для партийной работы — жизнь похожая на обыкновенную жизнь рабочего.

К. Курзин.

Приложение.

Хронология забастовок.

1885 г. Бунт на ф-ке Корзинкина.
1890 г. „ „ „
1895 г. Забастовка на ф-ке Корзинкина.
1898 г. Забастовка на Норской мануфактуре.
1900 г. „ „ „
1901 г. Забастовка на ф-ке Классен.
1901 г. Забастовка формацевтов аптеки Фишера.
1902 г. Забастовка на ф-ке Дунаева.
1903 г. „ „ „
1905 г. Массовые забастовки.

Листки, издаваемые с.-д. организацией.

1902 г. 1. „К обществу“—Студенческий Комитет Демидовского лицея.

2. „Ко всем Ярославским рабочим“—Ярославский Комитет с.-д. рабочей партии 19 февраля.

1903 г. 1. „К рабочим и работницам фабрики Дунаева в Ярославле“—Ярославская с.-д. организация.

2. „К рабочим ф-ки Дунаева“—Северный Комитет.

3. Бюллетень Северного Союза 6 мая.

4. „К рабочим и работницам ф-ки Дунаева в Ярославле“—Ярославская с.-д. организация.

5. Бюллетень Северного Союза 15 мая.

1905 г. 1. „К офицерам“—Военно-революционная организация

2. „Товарищи“—К-т Р. С. Д. Р. П.

СПИСКИ

т.т., привлекавшихся в Ярославле за революционную деятельность.

По делу о забастовке на Норской мануфактуре в 1898 г.

1. Шестерин Серг. — 9 лет ссылки в Арханг. губ.
2. Бельский Яков — „ в Онегу.
3. Федоров Конст. — 5 лет в Шенкурск.
4. Феоктистов Ив. — 4 года в Кемь.
5. Салапаев Иван — } по 4 г. в Пинегу.
6. Головкин Иван — }
7. Алексеев Фед. — 3 г. в Пинегу.
8. Новиков Гр. — 3 г. в Пинегу.
9. Рутенков Пав. — 3 г. в Онегу.

По делу с.-д. кружка на ф-ке Корзинкина в 1899 г.

1. Носков.
2. Тикстон.
3. Репин Геннадий.
4. Горн Вас. Леопольдович.
5. Зашагливков Степан.
6. Власов федор.
7. Ширяев Егор.
8. Дорофеев Фед.
9. Соломин Фед.
10. Банатин
11. Смелов Дм.
12. Котин Вас.
13. Маянцев И.
14. Богачев Петр.

По делу с.-д. кружка на Корзинкинской ф-ке в 1900 г.

1. Ставский Ив.
2. Бабенко Ан. Дмитриевна. } 2 г. гласного надзора полиции.
3. Носков Василий. }
4. Дорофеев.
5. Ярославцев А-др. — 3 г. ссылки в Вятскую губ.
6. Доливо-Добровольский А-др, 3 г. ссылки в Оренбургскую губ.
7. Семенухин — 1 г. тюр. заключ.
8. Коротков Ив. — 10 мес. тюр. заключ.
9. Наумов.
10. Никоноров.

По делу о безпорядке в Демидовском лицее в 1901 г. в марте мес.

1. Комаров Степ.
2. Покровский Вл.
3. Масленников Ник.
4. Залесский Мих.
5. Оржаникидзе Мих.
6. Косов Алексей.

7. Рабинович Конст.
8. Наумов Ив.
9. Попов Митр.
10. Лыткин Вас.
11. Смирнов Вас.
12. Клириков Викт.
13. Степанов Ант.
14. Комаров Вл.
15. Тамак Яков.
16. Владимирский Ст.
17. Соколов Мих.
18. Викторов.
19. Пучковский.
20. Смирнов Григ.

По делу кружков на ф-ке Корзинкина в 1901 г.

а) Кружок Лаптева.

1. Лаптев А-р.
2. Соглачев Евстафий.
3. Соглачев Павел.
4. Лучиников Роман.
5. Смирнов Мих.
6. Смирнов Конст.
7. Суслов Вяч.
8. Крашенников Вас.
9. Мочалов А-р.
10. Рицков Пав.
11. Малютин Ив.
12. Потехин Сем.
13. Невзоров А-р.
14. Ромашев Андрей.
15. Ермолин Демьян.
16. Рубцов Ив.
17. Иванов Вас.
18. Булычев Мих.
19. Треков.
20. Панов А-р — ст. Демидовского лицея.

б) Кружок Вайсмана.

1. Вайсман. } ст. Демидовского лицея.
2. Зарахович. } ст. Демидовского лицея.
3. Лужанский. } ст. Демидовского лицея.
4. Колесников Гер.
5. Калинин Фед.
6. Варакин Вас.
7. Рыжиков Ник.
8. Белов А-р.
9. Озеров А-р.
10. Морозкин Павел.
11. Морозкин Василий.
12. Усаев Ник.
13. Гарин Вас.
14. Родионов Серг.
15. Рабинович — ст. Демидовского лицея.

По делу Ярославского с.-демократического комитета.

1. Варенцова Ольга Афан.
2. Дюбюк Евг.
3. Ек. Новицкая.
4. Вайсман Хаим.
5. Багаев Мих.
6. Пакин Ник.
7. Дидрикиль Ольга.
8. Дидрикиль Мария.
9. Новиков Вас.
10. Яшнов Дм.
11. Локтин А-р.
12. Петров Леонид.
13. Трегубов Кон.
14. Трефолев Борис.
15. Доливо-Добровольский А-р.
16. Кувшинская София.
17. Глазунов Григ.
18. Моргунов Вас.

По делу Студенческого кружка в 1901 г.

1. Клириков.
2. Кузнецов.
3. Вершинский
4. Копаччели Конст.
5. Зезюлинский Ник.
6. Покровский Вл.
7. Гладкин Аф.
8. Кедров Мих.
9. Першин Яков.
10. Прсяниченко.
11. Петровский.
12. Завадский.
13. Тихомиров.
14. Тучапский
15. Рихтер.
16. Гавеман.

По делу кружка семинаристов.

1. Крылов Дм.
2. Торопов Фед.
3. Черемовский Ник.
4. Пшеницин Вас.
5. Лебедев Мих.
6. Морев Арс.
7. Савинский Александр.
8. Орлова А-ра.
9. Розов Вас.
10. Розов Пав.
11. Козмодемьянский Серг.
12. Уранов Ник.
13. Добровольский А-р.
14. Преображенский Гордей.
15. Беляев Сергей.
16. Колокольцев Петр.
17. Скворцов Леонид.
18. Розанов Дм.
19. Смирнов А-р.
20. Орлов Алексей.
21. Ярославский Ник.
22. Сухопрудский Леонид.
23. Верховский А-р.
24. Камычев А-р.
25. Добронравин.
26. Соколов Петр.
27. Грехов.
28. Колокольцев Всев.
29. Покровский Вит.
30. Крымов.

(28–30) ст. Демидовского лицея.

Привлекались в 1901 г.

По делу первомайской демонстрации (дело № 426 за 1905 г.)

1. Схиртладзе Дав. Самсонов
2. Владимиров Арт. Вас.
3. Либерман Хаим. Ян.
4. Кучеров Ем. Спирид.
5. Михайловский Вас. Павл.
6. Красев Конст. Конст.
7. Владимиров Серг. Вас.
8. Тарновский Евд.
9. Михайловский Мих. Вас.
10. Козлов Як. Ив.
11. Аристов Ник. Павл.
12. Опочинский Лев Фиш.
13. Калмаков Викт. Ник.
14. Шенкер Инна Исааковна.
15. Сонин Конст. Сергев.

По делу военной организации в 1905 году (дело № 467 за 1906 г.)

1. Ябовский Викт. Вас.
2. Вас. Фролов.
3. Шевнин.
4. Бузин.
5. Рутштейн.
6. Кузьмин.
7. Сивоконь.

СОДЕРЖАНИЕ:

